

ВЕСТНИК РОИИ

Информационное издание Межрегиональной общественной организации содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности
«Общество интеллектуальной истории»

№ 1(5), зима 2003

***Глубокоуважаемые коллеги, друзья!
Сердечно поздравляем Вас с Новым годом!
Желаем крепкого здоровья, творческих
поисков и блестящих результатов.***

Центральное Правление РОИИ

КОНФЕРЕНЦИЯ РОИИ – 2003

Российское общество интеллектуальной истории проводит ежегодную конференцию.

Тема: **«Межкультурный диалог в историческом контексте».**

Место проведения: г. Москва.

Время проведения: **29-31 октября 2003 г.**

Заявки на участие в конференции принимаются к рассмотрению до 3 марта 2003 г.

(с пометкой «Конференция РОИИ-2003»). После получения заявок Оргкомитет определит приоритетные направления работы конференции.

Тезисы докладов принимаются до 12 мая.

Объем: не больше 6 000 знаков.

Решение об участии в конференции будет принято Оргкомитетом после рассмотрения всех полученных тезисов.

Адрес: 119334, г.Москва, Ленинский проспект, д.32-А ИВИ РАН, Центр интеллектуальной истории.

Тел.: 938-53-91, факс: 938-22-88.

Электронный адрес: cih@igh.ras.ru,

***25 января 2003 года
Александр Ивановичу Борозняку
исполнилось 70 лет!***

Дорогой Александр Иванович!

Центральное Правление и Ваши коллеги из Российского общества интеллектуальной истории сердечно поздравляют Вас – одного из отцов-основателей и вдохновителей нашего профессионального сообщества – со славным юбилеем!

Мы знаем Вас как выдающегося ученого, замечательного педагога, талантливой души человека. Желаем Вам новых научных свершений, крепкого здоровья, счастья и творческого долголетия.

**СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА
А.И. БОРОЗНЯКА**

1955

Лейпцигский процесс 1933 г. – важный этап в борьбе против фашизма // Сборник студенческих научных работ: Благовещенский гос. пед. институт. С. 3–17.

1960

Интернациональное воспитание на уроках истории // Из опыта преподавания истории в школе: Благовещенский гос. пед. институт. С. 3–14.

1962

Рабочий класс Западной Германии в борьбе против капиталистических монополий (1946–1947 гг.) // Германское рабочее движение в новейшее время. М.: Наука. С. 202–223.

Der Kampf um Artikel 41 der Verfassung Hessens // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (Berlin). Н. 3. S. 711–726.

1963

Из истории рабочего движения в Западной Германии // Новая и новейшая история. № 1. С. 172–173.

Обзор журнала «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» // Вопросы истории. № 7. С. 179–183.

1964

Рабочий класс Рурской области в борьбе против капиталистических монополий в 1946–1947 гг. // Ученые записки Московского государственного пед. института им. В.И. Ленина. № 205. С. 3–35.

1965

Бесплодные попытки оправдания фашистских военных преступников // Вопросы истории. № 5. С. 190–191.

Реваншистская утопия и ее критика // Вопросы истории. № 8. С. 195–196.

1967

Документы антифашистской немецкой эмиграции в Латинской Америке // Вопросы истории. № 8. С. 197–98.

1968

Западногерманский исследователь о корнях неонацизма // Вопросы истории. № 10. С. 199–200.

1969

Кто виновен в расколе Германии? // Вопросы истории. № 8. С. 177–178.

1970

Из истории антимонополистического движения в западных оккупационных зонах Германии (1946–1947 гг.) // Из истории культуры и освободительного движения зарубежных стран: Воронежский государственный педагогический институт. С. 63–77.

Западногерманская социал-демократия – программа и политика первых послевоенных лет // Вопросы истории. № 2. С. 183–184.

1971

Современная историография ФРГ о проблемах истории западных оккупационных зон Германии в 1945–1949 гг. // Ежегодник германской истории 1970. М.: Наука. С. 460–474.

Боннский Парламентский совет и политический раскол Германии // Вопросы истории. № 4. С. 201–203.

1972

Послевоенная Западная Германия – «политический вакуум» или арена социальной борьбы? // Вопросы истории. № 2. С. 195–196.

К истории политической борьбы в послевоенной Западной Германии (1945–1949 гг.) // Из истории революционного движения и идейной борьбы в новое и новейшее время: Воронежский государственный педагогический институт. С. 54–75.

1973

Причины и последствия срыва денацификации в Западной Германии // Вопросы истории. № 6. С. 188–189.

Историки – «ревизионисты» и германская проблема // Вопросы истории. № 9. С. 191–192.

Всемирная федерация профсоюзов и рабочее движение в западных оккупационных зонах Германии // Проблемы германской истории. Вып. 2: Вологодский государственный педагогический институт. С. 71–80.

1974

К истории формирования ХДС / ХСС // Ежегодник германской истории 1973. М.: Наука. С. 317–338.

Прогрессивные историки ФРГ и проблема «преодоления прошлого» // Вопросы методологии истории и историографии. Вып. 3: Томский гос. университет. С. 47–51.

Основные проблемы истории Германии периода фашистской диктатуры в освещении марксистской историографии // Историография актуальных проблем новейшей истории. Учебное пособие: Московский обл. пед. институт им. Н.К. Крупской. С. 15–27.

Историография ГДР и вопросы истории западных оккупационных зон Германии (1945–1949 гг.) // Проблемы новейшей истории: Воронежский гос. пед. институт. С. 5–19.

Рабочий класс ФРГ в борьбе за взаимопонимание и сотрудничество с Германской Демократической Республикой // Вопросы германской истории и историографии. Вып. 2: Днепропетровский гос. университет. С. 106–115.

Проблемы борьбы рабочего класса за демократический контроль над производством (из опыта пролетарского движения в западных оккупационных зонах Германии) // Вопросы международного рабочего движения: Волгоградский гос. пед. институт. С. 118–134.

1975

Историография новой и новейшей истории. Учебное пособие для студентов исторического факультета: Вологодский государственный педагогический институт. С. 168, в соавторстве.

Некоторые вопросы современной исторической науки ФРГ (политическая предыстория ФРГ) // Вопросы историографии в высшей школе. Всесоюзная конференция преподавателей истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов: Смоленский гос. пед. институт им. К. Маркса. С. 440–445.

1976

Демократические, антифашистские организации западногерманского пролетариата в 1945 г. // Ежегодник германской истории 1975. М.: Наука. С. 29–57.

История германской социал-демократии в правореформистской интерпретации // Вопросы истории. № 6. С. 180–187, в соавторстве.

Проблемы политической предыстории ФРГ в новейшей западногерманской историографии // Проблемы историографии и источниковедения всеобщей истории: Ленинградский государственный пед. институт им. А.И. Герцена. С. 65–72.

Новые публикации о сотрудничестве коммунистов и социал-демократов западных оккупационных зон Германии // Историография всеобщей истории: Куйбышевский государственный университет. С. 131–142.

Борьба двух линий по вопросу декартелизации послевоенной Германии // Решающий поворот в истории немецкого народа: Волгоградский государственный педагогический институт. С. 119–27.

Становление марксистской концепции политической предыстории ФРГ // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. 4: Вологодский гос. пед. институт. С. 78–88.

1977

Объединительный съезд Социалистической единой партии Германии и рабочее движение западных оккупационных зон // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. 5: Вологодский гос. пед. институт. С. 73–87.

Исследователи-марксисты ФРГ о борьбе за создание единой пролетарской партии в западных оккупационных зонах Германии // Вопросы германского рабочего движения в современную эпоху: Волгоградский гос. пед. институт. С. 132–141.

1978

Политическая борьба в западных оккупационных зонах в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории 1977. М.: Наука. 1978. С. 286–307.

Западногерманская историография о проблемах становления конституционной системы ФРГ // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. 6: Вологодский гос. пед. институт. С. 52–62.

1979

О политической дифференциации в западногерманской социал-демократии (вторая половина 40-х гг.) // Общественные движения и классовая борьба в странах Западной Европы и Америки в XIX–XX вв.: Ленинградский гос. пед. институт им. А.И. Герцена. С. 54–66.

1980

Западногерманская буржуазная историография о генезисе социально-политической системы ФРГ. Научно-аналитический обзор. М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР. С. 42.

Контрольные работы по новейшей истории (1917–1977). Для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов. М.: Просвещение. С. 80, в соавторстве.

1981

Радикально-демократическая историография ФРГ о проблемах германского рабочего движения // Вопросы истории. № 6. С. 64–75, в соавторстве.

Прогрессивная историография ФРГ об уроках классовой борьбы в послевоенной Западной Германии // Вопросы германской истории. Днепропетровск. С. 35–44.

Комитет по подготовке немецкого народного фронта. Париж, 1936–1937 гг. // Революционные традиции немецкого пролетариата и социалистическое строительство в ГДР: Волгоградский государственный педагогический институт. С. 38–47.

1982

Трудящиеся послевоенной Западной Германии – за антифашистское единство (Бремен, апрель–декабрь 1945 г.) // Антифашистская борьба в Германии: Челябинский гос. пед. институт. С. 91–109.

1983

Борьба вокруг разработки программы западногерманских профсоюзов в первые послевоенные годы // Ежегодник германской истории 1981. М.: Наука. С. 56–75. Сотрудничество историков Советского Союза и Германской Демократической Республики (70–80-е гг.) // Формирование и развитие исторических связей и сотрудничества братских социалистических стран: Львовский государственный университет. С. 132–133.

1984

Новые источники по истории западногерманского профсоюзного движения первых послевоенных лет // Вопросы германской истории: Днепропетровский государственный университет. С. 42–47.

Проблема континуитета социально-политического строя ФРГ: дискуссии в западногерманской историографии // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: Томский гос. университет. С. 190–192.

Исследователи-марксисты ФРГ о рабочем движении в послевоенной Западной Германии // Вопросы историографии рабочего движения Германии, ГДР, ФРГ: Волгоградский гос. пед. институт. С. 33–44.

1985

Марксистско-ленинская историография в Федеративной Республике Германии // Новая и новейшая история. № 3. С. 158–170.

Прогрессивная историография ФРГ // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. Т. 2. М.: ИВИ АН СССР. С. 119–142.

Контрольные работы по новейшей истории (1917–1984). Пособие для студентов-заочников исторических факультетов пед. институтов. М.: Просвещение. С. 64, в соавторстве.

1986

Макс Рейман о проблемах послевоенной Западной Германии // Ежегодник германской истории 1985. М.: Наука. С. 150–167.

Историки-марксисты ФРГ против фальсификации характера и итогов второй мировой войны // Вопросы истории. № 12. С. 154–163.

Об учебнике и учебном пособии по историографии // Новая и новейшая история. № 4. С. 175.

1987

Становление и развитие марксистской историографии в ФРГ // Вопросы методологии истории, историогра-

фии и источниковедения: Томский гос. университет. С. 225–227.

Коммунисты и социал-демократы Гессена: совместные действия в апреле–декабре 1945 г. // Классовая борьба в Германии в период империализма: Челябинский гос. пед. институт. С. 118–119.

1988

К 30-летию Комиссии историков СССР и ГДР // Ежегодник германской истории 1987. М.: Наука. С. 246–256, в соавторстве.

Перестройка преподавания новой и новейшей истории в педагогических институтах: проблемы и поиски // Новая и новейшая история. № 1. С. 170–176, в соавторстве.

Рейнгард Опиц // Вопросы истории. № 10. С. 151–161, в соавторстве.

Коммунистическое и рабочее движение Западной Германии после второй мировой войны (1945–1949). Учебное пособие: Воронежский гос. пед. институт. С. 83.

КПГ и проблема денацификации в западных оккупационных зонах Германии в 1945–1949 гг. // Германская революция 1918–1919 гг. и образование Коммунистической партии Германии: Башкирский гос. университет. С. 44–47.

1989

Das nazistische Besatzungsregime – ein Verbrechen gegen Europa // Faschismus, Krieg, Widerstand. Wien: Internationale Föderation der Widerstandskämpfer. S. 61–64, 227–228.

1990

Антифашистские комитеты в западных оккупационных зонах Германии весной и летом 1945 г. // Возникновение второй мировой войны и антифашистская борьба в Европе: Уральский гос. университет. С. 15–17.

Западная Германия второй половины 40-х годов: проблема выбора пути общественного развития // Политические альтернативы в германской истории XX века: Челябинский гос. пед. институт. С. 49–51.

Опыт взаимодействия коммунистов и социал-демократов и проблема демократической альтернативы в послевоенной Западной Германии // Вопросы германской истории: Днепропетровский гос. университет. С. 85–92.

1991

Выступление на Всесоюзном координационном совещании историков-германистов (январь 1990 г.) // Бюллетень № 1 Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории АН СССР. М. С. 31–33.

Современная германская историография о «плане Барбаросса» // Начало Великой Отечественной войны и новое политическое мышление: Уральский гос. университет. С. 35–37.

1992

«Час ноль»: политический ландшафт побежденной Германии в оценках американских спецслужб // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: Уральский гос. университет. С. 56–59.

Преодоление «образа врага»: план «Барбаросса» в современной германской историографии // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность: Белорусский государственный университет. С. 68–70.

Проблемы формирования исторического сознания. Программа лекционного курса: Уральский гос. университет. С. 14, в соавторстве.

1993

Немецкие социал-демократы о путях перехода от тоталитарного режима к демократическому обществу. Бухенвальдский манифест // Международные отношения накануне и в годы второй мировой войны: Уральский гос. университет. С. 57–59.

Российско-германский диалог историков: новое измерение // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 1: Казанский государственный университет. С. 39–42.

Генерал-фельдмаршал Паулюс: «Покончить с войной и насильем!» // Нестор. Историко-культурные исследования. Вып. 2: Воронежский гос. университет. С. 127–134.

1994

22 июня 1941 года: взгляд с «той» стороны // Отечественная история. № 1. С. 148–156.

Германская социал-демократия в 1945 г. // Бюллетень № 2 Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН. М. С. 66–77.

ХДС / ХСС во второй половине 40-х гг.: процесс адаптации германского консерватизма к реалиям послевоенного мира // Исследования по консерватизму. Вып. 1: Пермский гос. университет. С. 103–106.

Выдающийся историк Вольфганг Руге: к постановке проблемы «интеллигенция и общество» // Российская интеллигенция: XX век: Уральский гос. университет. С. 23–25.

Вольфганг Руге – политэмигрант, узник ГУЛАГа, исследователь истории тоталитарных режимов // Тоталитаризм и личность: Пермский гос. университет. С. 147–149.

Национал-социалистический режим как объект исследования. К характеристике научного творчества Н.С. Черкасова // Германия в XX веке: проблемы истории, историографии и преподавания: Томский гос. университет. С. 3–5.

Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс: эволюция мировоззрения // НКСГ–50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов. С. 75–80.

К истории разработки программных установок послевоенной германской социал-демократии // Политические партии. История и современность: Орловский гос. пед. институт. С. 335–337.

Карл Ясперс о нацистской диктатуре и путях преодоления прошлого // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития: Воронежский гос. пед. институт. С. 78–81.

Сталинградское сражение в интерпретации современной германской историографии // Историческая мысль в современную эпоху: Волгоградский государственный педагогический институт. С. 51–54.

1995

Политическая история в ФРГ: преодоление наследия тоталитаризма // политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: ИВИ РАН. С. 224–232.

Памяти Николая Сергеевича Черкасова // Новая и новейшая история. № 1. С. 253–254, в соавторстве.

Антифашистское движение Сопротивления: научное наследие А.С. Бланка и современные дискуссии в ФРГ // Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны: Вологодский гос. пед. институт. С. 16–18.

Современный этап сотрудничества российских и германских историков // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Вологодский гос. пед. институт. С. 49–50.

«Сталинград – поворот в судьбе миллионов»: Вильгельм Раймунд Байер о новом прочтении истории Сталинградской битвы // Нестор. Историко-культурные исследования. Вып. 3: Воронежский гос. университет. С. 174–184.

Die sowjetische und russische Historiographie über das NKFD und den BDO 1943–1993 // Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag. S. 182–187.

Németország 1945-ben. A szocialdemokrata koncepciók // A nemzetközi munkásmozgalom történetéből. Evkönyv 1995. Budapest: Magyar Lajos Alapítvány Politikátörténeti Alapítvány. 86–91 old.

1996

«Преодоление прошлого»: феномен национал-социализма в зеркале исторической науки и исторического сознания ФРГ // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М.: Международный научный фонд. С. 30–37.

Германская историография Сталинградской битвы // Вопросы истории. № 10. С. 154–163.

Мужество вопрошания. К раздумьям М.И. Гефтера об исторических судьбах России и Германии // Век XX и мир. № 2. С. 246–253.

Советская и российская историография о НКСГ и СНО. 1943–1993 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов. С. 168–171.

Вуппертальский проект: замысел и воплощение // Копелевские чтения 1995. Россия и Германия: диалог культур: Липецкий гос. пед. институт. С. 27–32.

Чему учит прошлое Германии? Заметки о научно-исторической литературе на стендах Лейпцигской книжной ярмарки 1996 г. // Вестник Воронежского гос. университета. Серия 1. Гуманитарные науки. № 1. С. 158–166.

Памяти Валентина Александровича Буханова // Памяти Валентина Александровича Буханова: Уральский гос. университет. С. 3–6.

Die deutsche Sozialdemokratie 1945 // Annäherungen an die deutsche und russische Geschichte. Köln: Wostok. S. 106–116.

1997

Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. № 1. С. 62–74.

«Так разрушается легенда о чистом вермахте...» Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза // Отечественная история. № 3. С. 107–119.

Российская историография НКСГ // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. М.: Памятники исторической мысли. С. 43–48.

Правда истории // Книга памяти липчан, погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 5. Липецк: Областное отделение Российского фонда мира. С. 13–15.

Мемуары Вилли Брандта: автопортрет реформатора // Исследования по консерватизму. Вып. 4: Пермский гос. университет. С. 80–82.

История движения «Свободная Германия» в трактовках российских и германских исследователей // Проблемы военного плена: история и современность. Часть 1: Вологодский гос. пед. институт. С. 74–80.

1998

Эволюция исторического сознания в Западной Германии // Веймар–Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. М.: Памятники исторической мысли. С. 108–114.

«Поколение 68-го» и феномен «преодоления прошлого» в ФРГ // Социальные трансформации в Европе XX века. М.: ИВИ РАН. С. 207–212.

Издать труды Фрица Фишера в России // Вопросы истории. № 9. С. 171–173.

Вклад ученых-гуманитариев в формирование новой Европы // Сорок лет Римским договорам. Европейская интеграция и Россия. СПб.: Петрополис. С. 29–32.

Память сердца // Копелевские чтения 1997. Россия и Германия: диалог культур: Липецкий гос. пед. институт. С. 16–22.

Книги, опередившие время. Вместо послесловия // Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Екатеринбург: Уральский гос. университет. С. 336–339.

Германское Сопротивление в трактовках отечественной исторической науки // Германия и Россия: События, образы, люди. Вып. 1. Воронеж: Воронежский гос. университет. С. 160–180.

Präventivkriegsthese aus russischer Sicht // Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Zur Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt: Primus. S. 116–128.

1999

Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Независимое изд-во «Пик». С. 287.

ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». М.: Ассоциация европейских исследований. С. 63.

«Третий рейх» в современной историографии ФРГ // Вопросы истории. № 10. С. 150–157.

Против забвения: «Черная серия» немецкого издательства «Фишер» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М.: ИВИ РАН. С. 170–183.

Год сорок первый: дискуссии в современной российской историографии // Исторические записки Воронежского гос. университета. Научные труды исторического факультета. Вып. 4. С. 163–177.

Историк и время. К 80-летию Я.С. Дабкина // Германия и Россия: События, образы, люди. Вып. 2. Воронеж: Воронежский гос. университет. С. 178–196.

Теоретическая модель тоталитаризма как инструмент научного познания: возможности и пределы // Европа на рубеже тысячелетий. Исследование и преподава-

ние европейской истории XX века: Уральский гос. университет. С. 47–49.

Der Totalitarismusbegriff in der wissenschaftlichen Diskussion in Rußland // Rußland und Deutschland auf dem Weg zum antitotalitären Konsens. Baden-Baden: Nomos. S. 61–72.

Вклад Берлинского мемориального центра «Германское Сопrotивление» в изучение истории Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Трагедия войны – трагедия плена. М.: Мемориальный музей немецких антифашистов. С. 202–210, в соавторстве.

2000

Реалии «обыкновенного фашизма» в зеркале локальных историко-антропологических исследований // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС. С. 209–224.

Понятие тоталитаризма в научной дискуссии в России // Россия и Германия на пути к анти тоталитарному согласию. М.: ИВИ РАН. С. 73–87.

Фриц Фишер и проблема континуитета в германской историографии второй половины XX века // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН. С. 233–237.

Прерванный диалог. Можно ли было облегчить участь советских военнопленных в 1941–1945 гг.? // Военно-исторический журнал. № 6. С. 90.

Германия и Россия: новое прочтение прошлого // Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур: Липецкий гос. пед. институт. С. 36–44.

«Новые правые» в историографии ФРГ // Германия и Россия: события, образы, люди. Вып. 3. Воронеж: Воронежский гос. пед. институт. С. 12–17.

Проблема преодоления тоталитарного прошлого в Германии и России // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии: Кемеровский гос. университет. С. 5–7.

ФРГ: дискуссия о преступлениях вермахта в войне против Советского Союза // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Вологодский государственный пед. университет. С. 62–82.

Катастрофа вермахта под Сталинградом. Письма немецких солдат из сталинградского окружения // Проблемы истории Второй мировой войны. Сборник научных работ к 50-летию проф. В.Б. Конасова: Вологодский гос. пед. университет. С. 13–23.

2001

«Неудобный господин Ясперс», или О политической ответственности интеллигенции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. М.: Эдиториал УРСС. С. 178–186.

О взаимодействии исторического знания и исторического сознания (на материалах современной ФРГ) // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН. С. 104–108.

Начало преодоления «тотальной бесчеловечности» (по письмам немецких солдат из сталинградского окружения) // Человек и война. Война как явление культуры. М.: АИРО–XX. С. 111–128.

Преодоление тоталитарного прошлого в Германии и в России: попытка критического сопоставления // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Кемеровский гос. университет. С. 363–373.

Трагедия оstarбайтеров в зеркале исторической науки и исторического сознания ФРГ // Вехи российско-германских отношений (40–90-е годы XX века). Материалы международной научной конференции: Волгоградский гос. университет. С. 119–127.

Ни забвенья, ни прощенья // Память. Книга о липчане – воинах и тружениках тыла в Великой Отечественной войне. Т. 6. Липецк: Областной фонд мира. С. 59–62.

2002

Уроки Германии в России еще не востребованы // Преодоление прошлого и новые ориентиры его пере-

осмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. М.: Фонд Фридриха Науманна. С. 71–76.

«Хоть раз напишу тебе правду...» Письма солдат вермахта из сталинградского окружения // Родина. № 10. С. 47–50.

Дахау. Город у ворот концлагеря // Россия и Германия в историческом ракурсе. М.: Памятники исторической мысли. С. 76–95.

Widerstand gegen den Nationalsozialismus im Spiegel der sowjetischen und russischen Geschichtswissenschaft // Der deutsche Widerstand gegen Hitler. Wahrnehmung und Wertung in Europa und den USA. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. S. 137–149.

Проблема ответственности Германии за развязывание первой мировой войны в трактовках историографии ФРГ // VI Плехановские чтения. Россия: путь в сто лет (1900–2000). СПб.: Дом Плеханова. С. 46–49.

«Так память горя велика, глухая память боли». Свидетельства трагедии советских военнопленных и оstarбайтеров // Копелевские чтения 2002: Липецкий гос. пед. университет. С. 204–10.

(Список составлен и подготовлен к печати О.В. Воробьевой, Липецкое Отделение РОИИ)

НОВОСТИ ИЗ ОТДЕЛЕНИЙ РОИИ

Сыктывкарское Отделение

В 2002 г. состоялось четыре заседания Отделения с обсуждением следующих проблем: 1. Доклад аспирантки Коми научного центра В.В. Власовой «Пространство как текст в традиционной культуре коми (на примере старообрядческого беспоповства на Печере)»; 2. Доклад к.и.н., доц. кафедры зарубежных стран в новое и новейшее время Сыктывкарского университета Л.М. Макаровой «Нацизм в гендерном измерении»; 3. Обзор проблематики альманаха гендерной истории «Адам и Ева» (к.и.н., ст. препод. кафедры истории древнего мира и средних веков Сыктывкарского университета А.А. Павлов); 4. Доклад доц. кафедры истории русской и зарубежной литературы Сыктывкарского университета В.П. Ефименко «Исторический роман М.Д. Унамуно «Мир среди войны»»; 5. Обсуждение материалов интернет-гостинной (портал auditorium.ru) «Блеск и нищета исторического образования в России» (ведуший гостинной И.Н. Данилевский).

Отделение решило создать свой сайт. Его готовит сотрудник Коми научного центра В.Э. Шарапов.

(Председатель отделения Е.К. Трифонова)

Проект «Гендерная теория и историческое знание: гендер как метод познания и способ репрезентации прошлого»

На историческом факультете Сыктывкарского государственного университета уч. г. будет реализован проект «Гендерная теория и историческое знание: гендер как метод познания и способ репрезентации прошлого», поддержанный Институтом «Открытое общество» (в рамках программы «Гендерное образование») и ректоратом СыктГУ.

Данный проект имеет целью популяризацию гендерных исследований в сфере исторического знания, разработку новых концептуальных решений в сфере методологии, методики исторических исследований и преподавании истории на историческом факультете СыктГУ. Он призван дать возможность ознакомиться студентам и преподавателям СыктГУ и других ВУЗов Республики с новыми подходами в исследовании исторического процесса, позволит студентам иначе взглянуть на многие процессы современности.

Организатором проекта выступает Сыктывкарское отделение РОИИ, в состав которого входят историки, социологи, культурологи Сыктывкарского университета, Коми научного центра УРО РАН, Коми государственно-педического института. Участие в проекте примет также Президент Общества интеллектуальной истории д.и.н., проф. Л.П. Репина.

Проект предполагает деятельность в четырех основных направлениях: чтение спецкурсов для студентов 3–5 курсов, проведение научных семинаров, создание интернет-сайта проекта и электронных средств

поддержки проведения спецкурсов, а также публикацию учебных материалов.

Одним из основных направлений является чтение спецкурсов для студентов старших курсов. В 2002/2003 уч. году будут прочитаны следующие спецкурсы:

—«*Античная история в свете гендерной теории*» (Павлов А.А.);

—«*Социально-политические взгляды Кристины Пизанской (1364-1430)*» (Елизарова Е.Ю.);

—«*Женщины дома Габсбургов в истории и культуре XIV-XVII веков*» (Гончарова В.И.);

—«*История Новейшего времени в свете гендерной теории*» (Макарова Л.М.);

—«*История Западной Европы в гендерном измерении*» (Репина Л.П.).

Помимо спецкурсов в рамках проекта будут подготовлены и проведены публичные научные семинары-тренинги по различным проблемам гендерной истории. Среди них:

—«*Женщина в культуре мужчин. Римская женщина I в. до н.э.*» (Павлов А.А.);

—«*Возможности самореализации представительниц правящей династии в эпоху средневековья (на примере династии Габсбургов)*» (Гончарова В.И.);

—«*Гендерная визуализация: отношения кинотекста и аудитории, "женское" кино*» (Макарова Л.М.);

—«*Оппозиция мужское/женское в контексте развития российской культуры XX века*» (Котылев А.Ю.);

—«*Концепция человеческого тела в традиционном мировоззрении коми*» (Шарапов В.Э.);

—«*Гендерные ресурсы в сети интернет*» (Шарапов В.Э.);

—«*Гендерное измерение бедности в постсоветской России*» (Ярошенко С.С.).

Программа научных семинаров завершится Круглым столом «Гендерная теория и историческое знание. Проблемы и перспективы», на котором будут подведены итоги реализации проекта, обсуждены насущные методологические и методические проблемы гендерной истории. Здесь же пройдет обсуждение книги Репиной Л.П. «Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого» (М., 2002). Итоги работы семинара и материалы Круглого стола предполагается издать отдельным изданием. Более подробную информацию о проекте и ходе его реализации можно будет вскоре найти на сайте Сыктывкарского отделения РОИИ.

(А.А. Павлов)

Ставропольское Отделение

Ставропольское Отделение начало в этом году курс семинаров «*Методологические вторники*». Ниже излагается концепция цикла и календарный план заседаний.

Согласно межвузовской научно-образовательной программе «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного и Ставропольского государственного университетов, программам Регионального научно-образовательного центра «Новая локальная история» и Ставропольского регионального общества интеллектуальной истории на историческом факультете СГУ с 11 ноября 2002 г. проводятся еженедельные методологические семинары «методологические вторники».

В задачи семинара входит повышение квалификации преподавателей исторического факультета и представителей других гуманитарных специальностей. Он призван помочь в формировании методологической основы научно-исследовательской работы, выработке теоретико-методологического инструментария исследования. «Методологические вторники» задуманы и для обмена мнениями по вопросам исследовательской работы с представителями иных научных центров России.

Работа «методологических вторников» предполагает подготовку научных докладов и сообщений (в устной форме для ставропольцев и в электронной для иногородних), с их последующим обсуждением в свободной дискуссии. Благодаря электронному виду докладов и сообщений представляется возможность объединить усилия ученых различных регионов для поиска ответов на теоретико-методологические вопросы современной науки.

(С.И. Маловичко)

ПЛАН «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВТОРНИКОВ» На 2002-2003 учебный год

ТЕМА: Методы и теоретические основы научного исторического исследования. От дипломной работы до докторской диссертации.

24 декабря 2002 г.

Методология и классическая историческая наука.

Содоклады:
Иерархия методологического выбора. Автор и его инструментарий.
Методы познания и технология исторического исследования.

21 января 2003 г.

Научная критика источников и историческая интерпретация.

Содоклад:
Типология источников и их исключительность. Российский и зарубежный опыт.
25 февраля 2003 г.

Толкование источника при конструировании исторического нарратива.

Содоклады:
Архивные источники. Поиск, технология обработки, интерпретация.

Источники-образы. Трудности использования визуальных материалов в историческом нарративе.

25 марта 2003 г.

Историография. Путь к авторской концепции.

Содоклады:
1. Локальная историография или историография новой локальной истории?

2. Историческая журналистика. Источниковедческий и историографический контексты.

22 апреля 2003 г.

Теоретический ресурс исторического исследования.

Междисциплинарная практика.

Содоклады:
Теория миграции как инструмент исторической интерпретации.

Реформы и революции в свете теории модернизации и революциологии. Возможности и препятствия на пути исторического исследования.

20 мая 2003 г.

«Новая локальная история» и краеведение. Теоретическая и методологическая оппозиция.

Содоклад:
Поле интеллектуальной истории и интеллектуальная история Ставрополя. Предмет, метод, источники.

Х Р О Н И К А

IX Коллоквиум романистов

Центральной и Восточной Европы и Азии

С 24 по 26 октября в г. Нови Сад (Югославия) состоялась IX Коллоквиум романистов Центральной и Восточной Европы и Азии. В нем, благодаря финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, принял участие наш коллега, ст. преп. кафедры истории древнего мира и средних веков Сыктывкарского гос. университета А.А. Павлов.

Коллоквиумы романистов Центральной и Восточной Европы и Италии, организуемые Центром по изучению римского права и юридических систем Итальянского Национального совета исследований (CNR) и Группой по исследованию распространения римского права стали уже традиционными. В последние годы в них все большее участие принимают романисты из России и стран бывшего соцлагеря, в том числе из Китая.

Они имеют целью распространение влияния принципов и духа римского права на страны, находящиеся сегодня на стадии реформирования правовых систем; способствуют сближению романистов всех стран региона; позволяют намечать основные направления исследований, общие болевые точки, способствуют повышению уровня образования и исследований в области римского права.

Проведение таких коллоквиумов во многом способствовало активизации исследовательской деятельности на местах, появлению ряда центров изучения римского права. Здесь можно назвать Центр изучения римского права, созданный на базе юридического факультета МГУ и Института Всеобщей истории РАН (имеет на сегодняшний день три филиала: в Санкт-Петербурге, Ярославле и Сыктывкаре), Центр изучения римского права юридического факультета университета г. Нови Сад, подобные центры в Польше и Китае.

Первый из подобных Коллоквиумов прошел в апреле 1977 года в Лейпциге в университете им. Карла Маркса. Местом проведения последующих были Польша, Чехословакия, Венгрия, ГДР, Италия и Россия.

Последний – IX Коллоквиум – проходил с 24 по 26 октября 2002 г. в г. Нови Сад (Сербия и Черногория). На предыдущем VIII Коллоквиуме, прошедшем в г. Владивостоке (октябрь 2000 г.), было принято решение об изменении названия, в связи с включением в состав участников представителей азиатских стран. Теперь этот представительный международный форум имеет название Коллоквиум романистов Центральной и Восточной Европы и Азии (см. напр: VIII Коллоквиум романистов стран Центральной и Восточной Европы и Италии. Владивосток, 5–7 октября 2000. Обзор печати. Рим, 2002; Вярс А.А. Хроника VIII Коллоквиума романистов центрально-восточной Европы и Италии (Владивосток, 5–7 октября 2000) // Древнее право. № 2(7). 2000. С. 218–221), что несомненно говорит о расширении его влияния и авторитета на континенте.

Тема, которая объединила около 50 участников Коллоквиума из Италии, России, Польши, Сербии, Китая, Болгарии, Хорватии, Молдавии, Греции, Беларуси, не была абсолютно новой: «Личность в системе римского права. Защита должников. Изучение и преподавание римского права». Такая же тематика была и на предыдущем Коллоквиуме во Владивостоке. Но как оказалось, она, позволяя охватить различные стороны гражданских правоотношений, весьма емка и, более того, ее обсуждение открыло новые проблемы, ранее не исследовавшиеся.

Работа Коллоквиума продолжалась три дня с утра до вечера. Официальными языками Коллоквиума стали итальянский и русский. Открылся Коллоквиум 24 октября в конференц-зале юридического факультета университета г. Нови Сад пленарным заседанием, на котором было зачитано приветственное письмо мэра г. Нови Сад господина Борислава Новаковича, с приветствием выступила также ректор университета проф. Фуад Станкович, декан юридического факультета проф. Душан Николитч, а также организаторы Коллоквиума – директор Центра по изучению римского права и юридических систем (CNR), проф. Пиеранджело Каталано (университет «LA SAPIENZA», г. Рим) и проф. Антун Маленица, директор Центра изучения римского права юридического факультета университета г. Нови Сад.

Далее на пленарном заседании выступили: проф. А. Косарев (Московский государственный университет торговли, Россия) с докладом «Права человека в римском праве и мусульманском праве. Сравнительный анализ»; проф. Ксю Гуодонг (ун-т г. Ксиаменя, КНР) – «La base unificativa di buona fede obiettiva e buona fede soggettiva nel diritto romano»; проф. В. Володкевич (ун-т г. Варшавы, Польша) — «Il favor debitoris nel diritto e nella giurisprudenza polacca». На пленарном заседании прошли также две презентации новых изданий источников римского права: Л. Кофанов, директор Центра изучения римского права (Москва) и А. Долгов, директор издательства «Статут» (Москва), представили новый перевод на русский язык Дигест Юстиниана, первый том которых, включающий 4 первые книги на латинском и русском языке, опубликован издательством «Статут»; В. Ханга (ун-т г. Клуж-Напока, Румыния) представила румынский перевод Институций Юстиниана.

Во второй половине дня прошло заседание Коллоквиума по теме «Личность в системе римского права». Здесь было представлено 15 докладов. Открыл заседание доклад Цюоли Янга (ун-т г. Шандонг, КНР) «La persona nel sistema del Diritto romano». Далее были заслушаны доклады Теодора Самбриана (ун-т г.

Крайовы, Румыния) «La recezione del Diritto romano e la persona nei codici civili romeni», Срдьяна Саркича (ун-т г. Нови Сад, Югославия) «Divisione gaiana delle persone nel diritto medievale serbo», Яна Заблочкого (Варшавский ун-т кардинала Стефана Вышинского, Польша) «La posizione giuridica del nascituro nel diritto civile polacco», Даниелы Рупчич (ун-т г. Осиек, Хорватия) «La posizione giuridica del nascituro nel diritto croato», Милы Йованович (ун-т г. Ниш, Югославия) «La tutela mulierum secondo la Lex XII tabularum (5.2.)», Наташи Деретич (ун-т г. Приштины, Югославия) «Византийское влияние на сербское средневековое брачное право», Юрия В. Качановского (Хабаровская государственная академия экономики и права, Россия) «Личность как собственник в римском праве, в XX и в XXI веках. Сравнительно-исторический анализ. Как уместить уроки истории?», Франческо Сини (ун-т г. Кассари, Италия) «Persone e cose: le res communes», Антона Д. Рудокваса (Санкт-Петербургский юридический институт генеральной прокуратуры Российской Федерации, Россия) «Il peculium e il problema della persona giuridica nel Diritto romano», Елены Б. Берг (Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург) «Юридические лица в римском праве в поисках прообраза современных некоммерческих организаций», Галины П. Бычковой (Иркутский государственный ун-т, Россия) «Реституция в римском частном праве», Андрея А. Павлова (Сыктывкарский государственный ун-т, Россия) «Libertas у Цицерона: к вопросу о статистике термина и месте libertas в концепции res publica Цицерона», Марко Петрака (ун-т г. Зареба, Хорватия) «La lustrazione nel diritto romano e nel diritto dei paesi postsocialisti».

Работа первого дня завершилась общей дискуссией по различным вопросам, вставшим в ходе представления докладов. Особое внимание было уделено проблеме nasciturus (зачатого, но не рожденного, ребенка, признаваемого римским правом). Для дальнейшего ее изучения было предложено избрать рабочую группу.

Письменные доклады также прислали Т.А. Филиппова (Алтайский государственный ун-т, г. Барнаул) «Сервитуты: от Рима до наших дней» и И.В. Никитина (Красноярский государственный ун-т, Россия) «Правовое положение индивидуального коммерсанта в Римском праве».

Утреннее заседание 25 октября было посвящено теме «Защита должников». Всего было заслушано 15 докладов. Заседание открыл доклад Себастьяна Тафаро (ун-т г. Бари, Италия) «La buona fede e la difesa del debitore». Далее были заслушаны доклады Магдолины Сич (ун-т г. Нови Сад, Югославия) «Fides e debito pubblico nell'età postclassica», Обрада Становича (ун-т г. Белграда, Югославия) «la dottrina canonica dell'usura nel medio evo», Анны Пиккульска Робашкевич (ун-т г. Лодзь, Польша) «Ростовщичество в польском праве», Эмили Карайович (ун-т г. Крагуевац, Югославия) «Laesio enormis», Константина Танева (ун-т г. Софии, Болгария) «L'atteggiamento dei giuristi romani e la diversità nella prassi commerciale nelle parti diverse dell'Impero. La difesa dei debitori», Стефана И. Каролака (ун-т г. Варшавы, Польша) «La parità legale delle parti del contratto di mutuo quale fondamento della tutela dei loro giuristi interessi», Бронислава Ситека (ун-т г. Ольштина, Польша) «Si creditor sine auctoritate iudicis res debitoris occupet. Un contributo alla ricerca sul favor debitoris», Н.Б. Срединской (Санкт-Петербургский Центр изучения римского права) «Dazione dei beni del debitore in soluzione del debito», О.В. Петровской (ун-т г. Бреста, Белоруссия) «Вина должника в римском праве и ее интерпретация в славянском законодательстве второй половины XIX – начала XX века», Д.О. Тузова (Томский гос. университет, Россия) «Римская in integrum restitutio и оспаривание сделок в современном российском праве», А.А. Новикова (Санкт-Петербургский юридический институт генеральной прокуратуры Российской Федерации, Россия) «La determinazione del momento della fine dell'esistenza dell'obbligazione di società nel diritto romano e nel diritto civile russo», Невенки Бого-

евич-Глушечич (ун-т г. Подгорицы, Югославия) «*La difesa dell'emptor nel diritto medievale della città di Cattaro*», Алены Грось (Хабаровская академия государства и права, Россия) «*Рассторжение договора: основания и последствия*», Валериуса М. Чуки (Университет г. Яссы, Румыния) «*Lex Aquilia – Le cadre de la responsabilité ex delicto*».

Дискуссия по проблеме выявила различное отношение современных цивилистов к проблеме взаимоотношений между должником и кредитором, как и различное понимание понятия ростовщичества.

Письменный доклад также прислала Л.П. Кучеренко (Сыктывкарский гос. ун-т, Россия) «*Договорное законодательство второй половины IV в. до н.э. в Риме (источниковедческий аспект)*».

Второе заседание этого дня было посвящено теме «Изучение и преподавание римского права». На нем было заслушано 11 докладов. Заседание открыл Константинос Г. Питсакис (ун-т г. Тракии, Греция) докладом «*Étude et enseignement du droit romain: le cas de la Grèce moderne (du droit "byzantin" au droit romain)*». Далее выступили Елена Данилович (Белградский ун-т, Югославия) «*L'influence des écoles juridiques sur les études du droit romain*», Джованни Лобрано (ун-т г. Сассари, Италия) «*Attualità dell'insegnamento del Diritto romano publico: l'esempio dei municipi*», Мария Заблоцка (Варшавский ун-т) «*La romanistica polacca dopo la seconda guerra mondiale*», Теодор Пиперков (Софийский ун-т, Болгария) «*Римское право и обучение юристов в Болгарии*», Н.А. Петровский (Брестский ун-т, Белоруссия) «*Особенности преподавания и изучения курса «Римское право» на юридических факультетах университетов Белоруссии*», Виктор Ульянищев (Московский ун-т Дружбы народов) «*Римское право как методологическая база юридического образования в России*», Ирина Шестерякова (Саратовская гос. академия права, Россия) «*Проблемы преподавания римского права в Саратовской государственной академии права*», Петр Ничипорук (ун-т г. Бьялистока, Польша) «*Insegnamento del diritto romano all'Accademia di Vilnius*», Елена Пирву (ун-т г. Крайовы, Румыния) «*La bibliografia italiana nei manuali romeni di diritto romano*», Жика Бужукич (ун-т г. Белграда, Югославия) «*Le fonti e l'insegnamento: la traduzione serba del De legibus di Cicerone*».

В ходе дискуссии была отмечена важность идеи Дж. Лобрано не ограничиваться в преподавании только проблемами частного права, но и привлекать материал публичного римского права, идеи которого могут быть поучительны и при исследовании современных публичных институтов, а также поддержана идея сохранения данной тематики и в дальнейшем.

Письменное сообщение прислал также М.М. Зубович (Иркутский гос. ун-т, Россия) «*Некоторые проблемы системы современного учебного курса римского частного права*».

Утреннее заседание 26 октября было посвящено подведению итогов Коллоквиума, обсуждению вставших научных проблем, определению тематики следующего Коллоквиума и места его проведения.

Помимо докладчиков в работе Коллоквиума приняли участие Пиранджело Каталано (Римский университет «LA SAPIENZA», Италия), Фей Анлинг (Университет г. Пекина, КНР), Антун Маленица (ун-т г. Нови Сад, Югославия), Александр Шевченко (Дальневосточный государственный ун-т, Владивосток) и др. Всего было заявлено около 60 докладов, было заслушано около 50 докладчиков из Италии, России, Польши, Румынии, Болгарии, Хорватии, Югославии, Беларуси, Китая, Греции. Не смогли прибыть на Коллоквиум заявленные в программе представители Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана, Украины, Албании, Литвы, Молдавии. Участники Коллоквиума выразили пожелание организовать следующий X Коллоквиум в 2004 г. в Китае.

В целом, следует отметить, подтверждаемый участниками и организаторами, возросший уровень романтических исследований в странах бывшего соцлагеря, усиление общего внимания юристов и историков к романистике. IX Коллоквиум стал новым шагом впе-

ред в этом направлении, способствовал объединению коллег из различных стран.

(А.А. Павлов)

I Коллоквиум "Noblesse oblige: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слоёв Европы конца V – начала XX столетий" (Орел, 17-17 мая 2002 г.)

15-17 мая 2002 г. в Орле состоялся первый коллоквиум историков, археологов, медиевистов, специалистов по генеалогии и геральдике, посвященный проблеме праздничной и повседневной жизни господствующих слоёв Европы V-XX столетий. Его организаторами выступили Орловское отделение РОИИ, Орловский государственный университет (ОГУ), Орловская региональная академия государственной службы (ОРГАС), Центр исторических инициатив.

Доклады и дискуссии концентрировались вокруг нескольких тем. Первая касалась национально-региональных аспектов культуры европейской знати. Это направление представляли сообщения, которые сделали орловские историки Т.Н. Гелла «Вигская аристократия в викторианской Англии», С.Т. Минаков «Аристократия и гвардия во Франции и России XVII–начала XX в.», О.Я. Ноздрин «Крофорды в России XVII в.: шотландские джентльмены на службе царя Московского».

Вторая группа докладов была связана с проблемами игрового, зрелищного начала культуры. В своем выступлении «Дворянская честь в первой половине XIX в.: представления и поступки» А.В. Тихонова (Смоленск), рассмотрев отдельные примеры поведения смоленских Энгельгардтов, проследила эволюцию представлений о чести, воплощенных в конкретные явления и поступки членов известного рода. Эти примеры иллюстрируют как индивидуальную жизненный выбор, так и типичную реакцию представителя благородного сословия на умаление его достоинства. Сохранение чести было необходимой составляющей самоуважения дворянина, поведение которого нередко сознательно «выстраивалось» по образцам классического искусства, включая в повседневность элементы своеобразной «высокой» игры и театральности.

Доклад Р.М. Абинякина (Орел) «Роль и место дворянства в Белом движении» обращает внимание на особую роль офицеров гвардии в истории Добровольческой армии и Вооруженных сил южной России начала XX в. По его мнению, в отличие от собственно добровольцев-разночинцев, гвардейцы олицетворяли дворянство, а это обуславливало различие идейных миров двух группировок, порождая взаимные серьезные трения и противоречия. Возникает вопрос не столько о факте гвардейского участия, сколько о его причинах, формах, размерах и взаимодействии старых частей гвардии с основной массой добровольцев. Автор заключает, что гвардейские офицеры-добровольцы в целом, претендуя на корпоративную обособленность и движимые узкосословными понятиями и мелкими кастовыми интересами в сочетании с усвоением новых квазиценностей, приобретали маргинальное мировоззрение в наиболее ярком и неустойчивом виде. В докладе М.Г. Шульман (Калуга) «Советские праздники в провинции: становление традиции», на основании изучения комплекса местных партийных и советских источников делается вывод, что празднование первой годовщины Октябрьской революции в Калужской губернии имело свою специфику; оно не отражало мироощущения народа и не стало средством релаксации. Одним из направлений работы коллоквиума стало изучение материальной культуры и образа жизни церковных и светских элит XVI–XX вв., анализ механизмов формирования межсословного взаимовлияния. Этому в частности посвящены сообщения А.В. Савосичева (Орел) «Пером и саблей: приказная бюрократия в XVI в. на войне», Н.И. Альмовой (Орел) «Повседневная деловая жизнь губернаторов российской провинции начала XX века», О.Д. Поповой (Рязань) «Благотворительность и покровительство в жизни церковной и светской элиты», И.М. Фёдоровой (Калуга) «Отношения внутри низового партийного аппарата первой половины 20-х годов XX в.». В докладе рязанского историка А.Д. Поповой «Александр

ровская модернизация и господствующие слои Российской империи» основное внимание было уделено восприятию культурных изменений эпохи «Великих реформ» различными группами населения. Украшением встречи стал концерт Ансамбля старинной музыки под руководством В.В. Иванова, исполнивший произведения европейских композиторов эпохи барокко. Темой первого коллоквиума стал праздник. Он прошел в атмосфере творческого подъема, открытости и доброжелательности. Коллеги договорились о продолжении такого рода контактов в следующем году. По результатам работы коллоквиума планируется издание сборника.

(Орловское Отделение, к.и.н. О.Я. Ноздрин)

II сессия Международной школы римского права

С 4 по 20 сентября 2002 года в Варшаве состоялась II сессия Международной школы римского права, в которой приняла участие директор Коми регионального отделения Центра изучения римского права, к.и.н., доцент, заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков Сыктывкарского гос. университета Л.П. Кучеренко.

Вторая сессия Международной школы римского права проходила в Варшаве с 4 по 20 сентября 2002 г. (о работе первой сессии Школы см. информацию в Вестнике РОИИ № 1(2), зима 2002). В ней приняли участие 13 слушателей (историков, филологов и юристов) из России, Украины, Белоруссии, Молдовы и Болгарии. Официальными языками Школы были итальянский и русский. В отличие от первой сессии, деятельность второй была разделена на две части. Первая, прошедшая в Варшаве с 4 по 15 сентября, имела форму традиционных лекций и практических занятий. Вторая же прошла в г. Августове с 16 по 20 сентября, где слушатели смогли принять участие в работе Конференции историков права польских университетов.

Открытие работы сессии состоялась 5 сентября в Большом зале Центра исследований классической традиции Варшавского университета. Участников Школы приветствовал руководитель Центра, проф. Ежи Аксер, подчеркнувший связующую роль Школы для романистов современной, прежде всего Восточной, Европы. Директор Школы, проф. Витольд Володкевич в своем выступлении выразил надежду на полезность пребывания участников в стенах Центра. Он обратил внимание присутствующих на изменение общей направленности тематики сессии: если в прошлом году речь шла преимущественно о частном праве, то в этом году упор сделан на историю права и публичное право древнего Рима. Такой подход представляет интерес как для историков, особенно антиковедов, так и для историков права. Он отметил также оживление интереса к римскому праву в странах бывшего соцлагеря и наличие проблем, связанных с преподаванием этой дисциплины не только в Восточной, но и в Западной Европе, в частности, в Италии.

После открытия, были прочитаны лекции проф. Франческо Милаццо (ун-т г. Катаньи) и проф. Фаусто Гориа (ун-т г. Турина). Свою лекцию «*Europa e diritto romano*» проф. Ф. Милаццо посвятил судьбе римского права в Европе. В заключение им было отмечено, что мрачные прогнозы Т. Моммзена о погребении римского права не оправдались, о чем свидетельствуют, в частности, и эти занятия. Более того, римское право способствует сегодня унификации правовой системы объединенной Европы. Проф. Ф. Гориа свою лекцию «*Processo privato romano antico e classico*» посвятил анализу римского частного процесса, уходящего своими корнями к архаическому Риму. Вечером того же дня слушатели Школы смогли познакомиться с библиотекой кафедры Римского права юридического факультета Варшавского университета, которую представили зав. кафедрой проф. Мария Заблоцка и д-р Якуб Урбаник, рассказавший об истории создания библиотеки.

6 сентября проф. Ф. Гориа продолжил свой анализ римского частного процесса в лекции «*Dal processo privato romano a quello giustiniano*». Лекция д-ра Ежи Кшиновека (ун-т Варшавы) «*Diritto romano e commercio*» была посвящена формированию коммерческого права в Риме. Он указал на сложность и неоднозначность

формирования в Риме торгового права, на его поздний характер. Однако не согласился с теми исследователями, которые относят Рим к отсталым обществам в силу отсутствия обособленного торгового права. Проф. Ф. Милаццо в своей второй лекции «*Valori, economia e diritto: il caso della buona fede*» затронул проблему соотношения права, экономики и нравственных ценностей на различных этапах римской истории.

7 сентября состоялся Круглый стол на тему «*Diritto romano e dogmatica del diritto*» в котором приняли участие помимо слушателей Школы проф. Томаш Гьяро (Институт истории права Макса Планка, Франкфурт на Майне), проф. Ф. Гориа, д-р Агнешка Кацпржак и д-р Ежи Кшиновека (ун-т г. Варшавы), проф. Ф. Милаццо, д-р Сюзанна Служевска, проф. Витольд Володкевич и Мария Заблоцка (ун-т г. Варшавы), проф. Ян Заблоцкий (ун-т кардинала Стефана Вышинского, г. Варшава).

9 сентября слушатели смогли ознакомиться с Верховным Судом Польши. Здесь проф. В. Володкевич выступил с лекцией «*Diritto romano e mondo contemporaneo*», в которой развил мысль Кошакера о важной роли римского права в истории Европы, наряду с греческой философией и христианством, а также подробно остановился на вопросе развития гражданского права в Польше, перед которой с 1919 г. стояла задача создания единой правовой системы, поскольку до известного времени на ее территории действовали различные (германская, австрийская, французская, российская и даже, частично, венгерская) юридические системы. Д-р Агнешка Кацпржак в своей лекции «*Le regole e le definizioni nella giurisprudenza romana repubblicana*» остановилась на значении правовых дефиниций и их этимологии для римской юриспруденции. Проф. Франческо Гуицци (ун-т г. Рима) посвятил свою лекцию «*Le persone e famiglia nel diritto romano*» семейному праву и положению лиц внутри фамилии.

В своей второй лекции 10 сентября «*Dominium e proprietà*» проф. Ф. Гуицци остановился на анализе эволюции римской собственности, отметив, что в классический период формируется *dominium*, тип собственности, предшествующей современной частной собственности. Проф. Луиджи Гарофало (Падуанский ун-т) в лекции «*Obbligazioni ex delicto*» проследил влияние римского уголовного права на современные доктрины уголовного права. Проф. Алессандро Корбино (ун-т г. Катаньи) в своем первом выступлении («*Il secondo capitolo della legge Aquilia*») затронул частную проблему ущерба (*damnum*) в римском праве, рассмотрев этимологию слова и решение этой проблемы римлянами, начиная со времени появления Законов XII Таблиц. Завершила работу этого дня лекция проф. В. Володкевича «*La responsabilità dei quasi delitti*», в которой рассмотрел эволюцию ответственности по квазиделиктам от римского права до современности.

11 сентября проф. Л. Гарофало продолжил анализ римского уголовного права в своей лекции «*Diritto romano penale*». Проф. А. Корбино прочел лекцию «*Gli studi di diritto romano in Italia*», в которой проанализировал систему юридического образования в Италии и важнейшие ее реформы, проведенные в последние 70 лет. Завершила работу этого дня лекция проф. Т. Гьяро «*Diritto romano nel sistema delle discipline giuridiche*», посвященная анализу места римского права в системе юридических дисциплин.

12 сентября состоялся второй Круглый стол – «*Diritto romano – prospettive degli studi di diritto romano e la sua importanza nell'educazione giuridica*», посвященный перспективам изучения и важности преподавания римского права. Помимо прежних участников, в нем приняли участие проф. Е. Аксер и «патриарх» польской романистики Ю. Бардах.

13 сентября в своей второй лекции проф. Т. Гьяро остановился на рецепции римского права в странах Европы. На основе критерия приемственности, он разделил Европу на три региона. Проф. М. и Я. Заблоцкие в лекции «*Testi non giuridici come base della conoscenza di diritto romano*», продемонстрировали собственный опыт анализа и комментирования Законов XII Таблиц, а также «Аттических ночей» Авла Геллия на предмет реконструкции архаической рим-

ской familia и особой роли в ней pater familias. Работу первой части Школы 14 сентября завершила лекция проф. В. Володкевича «*Secolo dei Lumi e diritto romano*», посвященной юристам эпохи Просвещения.

16 сентября работа Школы продолжилась в г. Августове, где наряду с участием в конференции польских историков права, слушатели продолжили изучение основного курса. В своей лекции «*Processo penale romano repubblicano*» проф. Карла Мази-Дориа (ун-т Федерико II, г. Неаполь) остановилась на анализе уголовного процесса республиканского периода, детально проанализировав источники и связь уголовного процесса с политической жизнью Рима рассматриваемого периода.

В своей второй лекции 17 сентября она продолжила анализ уголовного процесса в императорский период («*Processo penale romano in Roma imperiale*»). Проф. Козимо Кошоне (ун-т Федерико II, г. Неаполь), в своей первой лекции, на основе замечательного историко-ведческого анализа труда Помпония, проанализировал римскую магистратуру республиканского периода («*Le magistrature in Roma repubblicana*»), а в лекции 18 сентября завершил свой анализ, рассмотрев магистратуру императорского периода («*Le magistrature in Roma imperiale*»). В этот же день прошел заключительный Круглый стол на тему «*Prospettive dell'insegnamento di diritto romano*», в котором приняли участие участники конференции польских историков права.

Работа Школы была весьма насыщена и плодотворна. Помимо лекций слушатели получили возможность заниматься итальянским языком под руководством магистра Анны Зиебы, смогли поработать с необходимыми изданиями в библиотеке кафедры римского права. По итогам работы, слушатели получили дипломы об окончании Школы.

Хочется отметить в заключение, что хорошая организация и прекрасный профессорско-преподавательский состав Школы стали уже доброй традицией, что позволяет надеяться на успешное решение и в будущем, стоящих перед Школой задач.

(Кучеренко Л.П., Павлов А.А.)

ПЛАНИРУЕМЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Межрегиональный научно-методический семинар по теме «**Комплекс «Наука – образование» в сравнительно-исторической перспективе**»,

(19–21 марта 2003 г., г. Москва)

РОИИ приглашает к участию председателей региональных Отделений. Заявки присылать по адресу РОИИ (с пометкой «Семинар»).

Ставропольское Отделение

Научно-практический семинар

"Роль учебной литературы в формировании интеллектуально-идеологического пространства социума"

(25–27 апреля 2003 г., г. Пятигорск).

На семинар выносятся следующие проблемы:

1. Учебный текст и общественное сознание
2. Учебник и власть.
3. Мироззрение автора и содержание учебного текста.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех членов РОИИ. Проезд и питание за свой счет. Проживание за счет организаторов. К семинару будет издан сборник материалов. Материалы для публикации принимаются до 15 февраля. Электронная версия принимается по следующим адресам:

Dinareal@yandex.ru; sfpglu@mail.ru,

Ждем от Вас информации

К сведению членов РОИИ

До 21 марта мы принимаем материалы в 3-й выпуск "Альманаха Ставропольского Отделения РОИИ".

До 30 апреля принимаются материалы в сборник "Нация и национализм в контексте этнополитических процессов в Центральной и Восточной Европе в новое и новейшее время". Мы предлагаем сотрудничество всем членам РОИИ.

Наши координаты: 355004, Ставрополь, ул. Мира, 262. тел. (8652)945–946, 945–999

E-mail: sfpglu@mail.ru

Нижневартвовское Отделение

Кафедра всеобщей истории Нижневартвовского государственного педагогического института (НГПИ)

проводит региональную научную конференцию «**История идей и история общества**». Планируется работа трех секций: научно–теоретические и методологические проблемы исторического познания и историография всеобщей истории; история древнего мира и средних веков, история нового и новейшего времени; связи с общественностью (теоретические и практические проблемы). Предполагается обсуждение следующих групп проблем:

–познавательная ситуация и методологические поиски в современной отечественной и мировой историографии;

–история идей, интеллектуальная история и эвристические возможности этих подходов в историческом познании;

–проблемы истории древнего мира и средних веков – идеи, события, интерпретации; новая и новейшая история – широкий круг проблем, относящихся ко всем аспектам и сферам общественной жизни;

–проблемы репрезентации идей в общественном сознании, PR-технологии

По итогам работы конференции предполагается издание тезисов выступлений ее участников. Для участия в конференции необходимо прислать в адрес оргкомитета заявку и печатный текст тезисов в объеме до 3 страниц печатного текста, шрифт – 14 Times New Roman, интервал полуторный, в распечатанном виде и на дискете в редакторе Word до **1 марта 2003 г.** по адресу: 628616 Тюменская обл. г. Нижневартвовск ул. Мира 3Б Нижневартвовский государственный педагогический институт кафедра всеобщей истории, или по электронной почте volodja@intramail.ru; контактный телефон 8–3466–27–23–00 (кафедра всеобщей истории НГПИ).

Оргкомитет

Европейский Университет в Санкт-Петербурге

и Институт истории Общества Макса Планка

проводят третью летнюю школу в серии

"Современные направления в исторической науке"

по теме **"Новая история и теория культуры – Экономическая история, экологическая история и технологическая история"**

(Санкт-Петербург, 20 июля-3 августа 2003)

Международные летние школы призваны способствовать интенсификации совместной работы между молодыми историками Германии и России. Каждая школ включает методологическую составляющую (историческая антропология, микроистория, cultural history) и определенные тематические области (история семьи и родства, история знания, экономическая, экологическая и технологическая истории). В центре дискуссий на школах находится проблема соотношения общих направлений и развития проблемных областей в истории.

Школа 2003 года будет посвящена диалогу между "new cultural history" и историческими исследованиями в области истории технологий, истории экономики и истории отношения человека и природы. Союзники или оппоненты эти разные области исторической науки? Каковы культурные измерения экономики, отношений человека и технологий, человека и природы, взятых в их истории? Как история и теория культуры могут обогатить наше понимание экономической, технологической и экологической истории? Наконец, что нового могут внести в историю и теорию культуры современные исследования в области истории технологий, истории человека и природы и экономической истории?

С одной стороны, природа и техника, не говоря уж об экономике, могут быть продуктивно рассмотрены как исторически специфичные культурные конструкторы. С другой стороны, экологическая и технологическая исто-

рия заново ставят перед историками проблему изучения "материальности" в истории, проверяя пределы возможностей культурологического подхода в истории.

Преподаватели школы: Даниил Александров (Европейский университет в СПб), Франц Брюггемайер (Фрайбургский университет), Уте Даниель (Университет Брауншвейга), Михаил Кром (Европейский университет в СПб), Томас Сокол (Хагенский университет), Якоб Таннер (Цюрихский университет), Михаэль Хагнер (Институт истории науки Общества Макса Планка), Юрген Шлюмбом (Институт истории Общества Макса Планка)

Работа летней школы будет включать:

* Семинарские занятия, основу которых составит обсуждение текстов по проблемам. Этот набор текстов будет заблаговременно разослан участникам школы.

* Лекции приглашенных специалистов.

* Выступления всех слушателей школы с сообщениями по теме своего исследовательского проекта.

* Культурную программу, связанную с тематикой школы.

Рабочий язык школы – английский

Финансовые условия

Организаторы школы обеспечивают: оплату проезда (поездом, в случае необходимости – самолетом), проживание в Санкт-Петербурге в период школы, питание (завтраки и обеды в рабочие дни школы) и комплект материалов, необходимых для участия в школе

Предполагается, что для участников из России, стран СНГ и Балтии будет предоставлено 20 мест. Приоритет отдается проектам, наиболее соответствующим тематике летней школы, а также преподавателям вузов.

Обязательным условием участия в школе является знание английского языка, достаточное для участия в дискуссиях, выступлениях с докладом, научного общения.

Заявка должна включать:

описание исследовательского проекта и научных интересов на английском языке (2–3 страницы, не более 800 слов, включая: название, характеристику общих научных интересов, характер исследовательского проекта, краткое описание проблем/ гипотез, источников, методов исследования и его структуры, предварительных результатов) с указанием того, каким образом проект связан с тематикой школы.

Заполненную анкету (анкету можно найти на сайте школы, запросить в оргкомитете по указанному электронному адресу или скачать в формате MS Word). **Заявки необходимо посылать по электронной почте.**

Внимание: пожалуйста, дождитесь от организаторов школы подтверждения получения вашей заявки.

ЗАЯВКИ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 15 ФЕВРАЛЯ 2002 г.

Заявки, поступившие позже, рассматриваться не будут. Соискатели, прошедшие отбор, будут уведомлены в начале мая и получают дополнительную информацию.

Контактная информация

Летние школы "Современные направления в истории" Европейский университет в Санкт-Петербурге
ул. Гагаринская, д. 3, Санкт-Петербург, 191187
E-mail: histschool@eu.spb.ru
<http://www.eu.spb.ru/histschool/>

Карельское Отделение РОИИ

Кафедра истории дореволюционной России Петрозаводского госуниверситета в рамках проекта ИОО «Программа поддержки кафедр» планирует проведение конференции «Культура исторической памяти: невостребованный опыт» (апрель 2003 г.).

XV Чтения памяти

**члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто
(15–17 апреля 2003 г., Москва)**

Тема: «Автор и его текст».

Информация по адресу: 119334, г. Москва, Ленинский пр., 32-а, ИВИ РАН, Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире», Татьяна Александровне Калининой.

Тел. (095) 938-53-17, (095) 257-89-81

e-mail: pashuto@igh.ras.ru; xael@rambler.ru

Институт российской истории РАН, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Институт международных образовательных программ объявляют о проведении междисциплинарной научной конференции **«Историческая наука и методология истории в России XX века»** к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского (18–19 апреля 2003 г.)

Конференция будет проходить в Институте международных образовательных программ по адресу: Санкт-Петербург, Гражданский проспект, 28.

Планируемые темы докладов и дискуссий:

– Пути развития русской историографии (частные проблемы и общие направления)

– История как основа гуманитарных наук

– Философия и методология истории в России

– Эпистемологические аспекты исторической науки

– Философско-исторические поиски в культуре Серебрянного века

– Архивное наследие А.С. Лаппо-Данилевского

– Научная школа А.С. Лаппо-Данилевского

– Место А.С. Лаппо-Данилевского в русской историографии

– Общественно-философский контекст теоретических построений А.С. Лаппо-Данилевского

– Археология в системе исторических наук

– Формальное и математическое моделирование исторической реальности: опыт А.С. Лаппо-Данилевского

– "Методология истории" А.С. Лаппо-Данилевского в свете современных проблем эпистемологии истории

– А.С. Лаппо-Данилевский как историк русской культуры и общественной мысли

– А.С. Лаппо-Данилевский в Университете

– А.С. Лаппо-Данилевский в кругу современников

– Академическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского

– А.С. Лаппо-Данилевский как общественный деятель

– История Московского государства в трудах А.С. Лаппо-Данилевского

– "Теория обществоведения" в разработке А.С. Лаппо-Данилевского

– Проблемы русской историографии в трудах А.С. Лаппо-Данилевского

– Специальные исторические дисциплины в разработке А.С. Лаппо-Данилевского

– Историческое и философское наследие А.С. Лаппо-Данилевского с точки зрения современной науки

– Перспективы развития научных идей А.С. Лаппо-Данилевского

– А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская школа историков

Предполагается работа следующих секций:

– Отечественная историография и специальные исторические дисциплины

– Личность А.С. Лаппо-Данилевского и его научное наследие

– Методология, теория, эпистемология и философия истории

Председатель: д.и.н. С.Н. Погодин (Институт международных образовательных программ)

Ученый секретарь: к.ф.н. А.В. Малинов (Санкт-Петербургский государственный университет)

Пленарные доклады

С.Н. Погодин. Научная и общественная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского

А.Н. Цамутали. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская школа историков

И.Д. Осипов. Концепция государства и права А.С. Лаппо-Данилевского

Е.А. Ростовцев. Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной науке

А.В. Малинов. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории

А.И. Фелюшкин. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке?

Заявки на участие в конференции:

Для участия в конференции необходимо прислать в оргкомитет заявку и тезисы предполагаемого выступления объемом 2–3 страницы (500–1000 слов) на русском языке или полный текст доклада до 0,5 авторского листа (до 20 тыс. знаков) на русском языке. Текст доклада можно представить непосредственно на конференции. Материалы для регистрации должны поступить в оргкомитет до 18

марта 2003 г. По итогам конференции оргкомитет предполагает опубликовать поступившие материалы. Оргкомитет оставляет за собой право предварительного отбора и редактирования присланных материалов. Материалы не рецензируются и не возвращаются.

Тексты и тезисы докладов должны быть представлены в печатной форме и в электронном варианте в редакторе Word 6.0-8.0.

Заявку, включающую авторскую справку и материалы необходимо высылать на имя Ученого секретаря конференции по электронному адресу:

kmo@imop.spbstu.ru

Дополнительную информацию можно получить у Ученого секретаря оргкомитета Алексея Валерьевича Малинова по адресу: rusphil@philosophy.pu.ru

СЕМИНАРЫ

Центра интеллектуальной истории «Интеллектуальная история и современная историческая наука»

В 2002-2003 гг. продолжает свою работу семинар «Интеллектуальная история и современная историческая наука». В феврале состоятся доклады

И.Е. Сироткина. Достоевский и психиатры: идея о безумном гении в конце XIX века.

С.А. Экштут. "Шайка передвижников": Императорская Академия художеств и Товарищество передвижных художественных выставок.

Внимание!

Идет обновление базы данных по рассылке информации по семинарам. Кто хочет получать текущую информацию по рассылке пусть подтвердит это желание по эл. почте: zverca@mail.ru.

В этом номере мы предлагаем краткое изложение докладов, обсуждавшихся на семинарах в ноябре-декабре 2002 г.

М.В. Винокурова (к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН) **Обычай как средоточие памяти** **в мире английского копигольда**

Выступление М.В. Винокуровой было посвящено некоторым подходам к проблеме копигольда, связанного, через посредство манориального обычая, с феноменом исторической памяти.

Копигольд определяется в нашей историографии как держание на воле лорда и по обычаю манора, закрепленное за крестьянином средневековой Англии на основании копии манориального суда.

Когда же появляется копигольд? С каким явлениями в социальной действительности Англии связано его «начало»? В свое время А.Н. Савин, знаток английской деревни эпохи Тюдоров, писал о том, что «искать начало копигольда» означало «искать начало манориального обычая». Но он же справедливо считал, что основной чертой обычая, этого неуловимого и многоголикого вместилища памяти целых поколений, показателем юридической чистоты этого феномена социальной действительности Англии, является его незапамятность. Похоже, юридически чистой могла быть память, «не помнящая момента своего рождения». Стародавность, незапамятность обычая была, очевидно, показателем его «легитимности» в маноре.

Следовательно, вопрос о начале обычного держания (копигольда) сводится к вопросу о том, когда манориальный обычай перестает быть *уделом памяти* (то есть когда забываются истоки его возникновения и история его развития), на этой основе – закрепляется (причем не всегда фиксируется письменно, а нередко передается из поколения в поколение) и приобретает такую силу, что обычных держателей можно определить как отдельный класс, а копигольд – как особый вид землевладения. Это время, как принято считать в отечественной историографии, совпадает приблизительно с XIII – XIV вв., со временем коммутации барщины и началом трансформации вилланства в сторону копигольда. Именно в этот период в связи с увеличением роли денежной ренты в хозяйстве манориальных лордов усиливается и экономическая самостоятельность крестьянско-парцеллярного хозяйства. Таким

образом, копигольд генетически связан с вилланским держанием, он происходит, по мнению А.Н. Савина, специально занимавшегося проблемой эволюции вилланства в обычное держание, «из низкого, но древнего дома». Итак, копигольд связан с вилланским держанием и состоит из основан на манориальном обычае. Недаром его нередко называют «обычным держанием» или «держанием по обычаю манора».

В чем же состояла роль обычая, являвшегося средоточием памяти в жизни английского крестьянства?

Исследование указанной проблемы представляется очень важным. Без изучения влияния обычая на внутреннюю жизнь манора, включая, с одной стороны, взаимоотношения между держателями и лендлордами, с другой – между членами крестьянского мира, сама эта жизнь предстает статичной, лишенной внутреннего динамизма (а подчас – и драматизма), живого нерва человеческих отношений.

Между тем до недавнего времени в отечественной историографии советского периода дело обстояло именно так: после работ А.Н. Савина по истории английского крестьянства эпохи Тюдоров, на протяжении 1920-80-х гг. эволюция английского манора была представлена лишь с точки зрения раскрытия ее социально-экономического содержания, то есть на основе анализа преимущественно таких проблем как рентные отношения, дифференциация крестьянства, сроки держаний, зависимость изменений структуры вотчины (манора) от эволюции форм феодальной ренты и т.д. А ведь сеньории и держательские земли, службы и ренты еще не составляли всего манора, хотя и являлись его экономическим фундаментом. Существовала не менее важная грань внутриместной истории – манориальный обычай, являвшийся, с одной стороны, материальным правом обычного держания, а с другой – вместилищем (нематериальным убежищем) памяти, души и жизнью манориального мира, его внутренним нравственным законом, этическим регулятором средневековой деревенской общности, ее цементирующим началом. Обычай действительно можно считать душой и жизнью копигольда. Регулирующая и направляющая его роль проявлялась повсюду, обеспечивая определенные, повседневно закрепляемые традицией, нормы прежде всего 1. в области экономической, «материальной» жизни крестьянства, 2. в праве наследования, 3. в управлении манором и оформлении «манориальной» документации, 4. в области внутриманориальной юрисдикции (обеспечение судебной защиты в тяжбах с лордом и межкрестьянских тяжбах), 5. в соблюдении этических норм.

«Хранительницей и толковательницей» обычая была манориальная курия; вокруг нее вращалась вся жизнь крестьянина – копигольдера. Именно в курии хранились заветные ящики с манориальными архивами, описями земель, списками рент, договорами лендлорда с держателями, протоколами, выписками из судебных заседаний, экстендами Книги Страшного Суда и т.д. Таким образом, именно курия могла быть и была местом «хранения памяти».

Как конкретно могла передаваться память внутри английского манора? И что важно было «передать» в первую очередь, если принимать во внимание особенности хозяйственной жизни мира английского манора? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, автор дает определение исторической памяти как *генетически передаваемого и закрепляемого в быту и обычаях чувства непрерывности бытия*.

В чем оно могло выражаться в крестьянской повседневности? Прежде всего именно в «обычности» жизни. Не в обыденности, а именно в «обычности», в ощущении некоей определенности, повседневной константности, традиционности, основанной прежде всего на управлении самой жизнью крестьянина манориальным обычаем. Крестьянин знал, как знали его дед и прадед, что он держит от лорда именно этот, определенный, участок земли, расположенный там-то и там-то, включающий столько-то акров земельной площади, состоящий из такого-то количества акров пахоты, пастбища, луга и других угодий. Он знал, что платит за него столько-то пенсов (или шиллингов)

ренты, такой-то вступной файн; он также знал, что после его смерти его родственники отведут лорду в качестве гериота (посмертного платежа) лошадь или вола (или двух – в зависимости от обычая данной местности); что они после его кончины пойдут в курию оформлять т.н. «реверсию» – передачу участка в курии через руки лорда, адресованную уже заранее известному, определенному обычаем лицу (его жене, сыну или дочери). Вот это и было важно передавать из поколения в поколение – то есть чувство «укорененности», стабильности бытия именно данной крестьянской семьи. Разумеется, существовали устные формы передачи «памятного»: через рассказы отцов и матерей сыновьям, дедов и бабушек – внукам, соседей – соседям и пр. Существовали и формы практической передачи опыта – формы осознано передаваемой памяти – через плуг, косу, борону, луг, лес и поле.

Но все же главной была письменная фиксация памяти, сконцентрированной в манориальных обычаях – через письменное закрепление повторяемого, «обычного», в документах курии: манориальных описях, ренталях и протоколах. Указанные документы до сих пор являются материализованной формой передачи как индивидуальной, так и коллективной памяти. Почему индивидуальной? Потому что информация в них сгруппирована вокруг имен. Почему коллективной? Потому что таких имен – масса. И вся эта масса имен (лиц), каждое из которых несет в себе информацию об условиях держания (ренты, файны, земли и т.д.) сгруппирована еще и по категориям держателей (т.н. социальные или общие термины: держатели по обычаю, держатели по общему праву, крестьяне, дворяне). Далее – все они сгруппированы по манору.

Какая информация содержится в источниках? Имя, сроки держаний, площадь земли и типы угодий, ренты, доходы, файны и т.д. И так для каждого держателя. Эти позиции однотипны, они фиксируются у каждого, причем с максимальной степенью тщания, скрупулезно, до «перча и пенса». Эта информация можно «вытянуть» из источника с помощью специальной таблицы-«сетки», которая составляется на каждого крестьянина. Эта таблица – не изобретение современного исследователя, старающегося сплести сеть для того, чтобы уловить «памятное» в прошлом. Ее содержание основывается на реалиях *той* жизни, она отражает данные источника, составленного, повторю, максимально тщательно, по показаниям крестьян и обмерам, в присутствии 12 или 24 поверенных в манориальной курии. Не только лорд или администрация манора следили за тщательным составлением описей; эта тщательность и скрупулезность были залогом повседневной жизни самого крестьянства.

Итак, вся эта информация правдива, она отражает истинное состояние вещей. Именно в этой «истинности», объективности данных и заложена возможность исследований по аграрной истории в виде проведения сравнительно-статистических экспериментов, результаты которых, будучи поначалу абсолютно непредсказуемыми даже для самого историка, в конечном итоге полностью поддаются проверке. Таким образом, итоги обработки источников по аграрной истории – это не конструкт историка, стремящегося построить модель аграрного общества, а отражение в описях того реального, очень сложного и многомерного мира, который представлял собой мир английского манора. *Манориальные описи действительно представляют собой особую форму передачи памяти; это очень надежные и репрезентативные источники, в которых почти ощутимо, материально отражена как индивидуальная, так и коллективная, групповая (словная) память, основанная на роли традиции и определенного «алгоритма» учета данных при составлении указанных документов.*

При вступлении в держание, также согласно обычаю, основанном на действии алгоритма повседневности – из века в век – крестьянин XVI–XVII вв., как и его предок в веке XIV, должен был просить допуска к лорду. Допуск давался в курии, где держатель принимал присягу, «признавая» лорда своим покровителем и хозяином и выражая ему свою преданность. Обычно

это происходило следующим образом: крестьянин должен был опуститься на колени перед стоящим (а чаще – сидящим) лордом, которого в данном случае отнюдь не мог заменить стюард, вложить свои, соединенные как бы для молитвы, руки между ладонями господина и принести ему клятву верности (*oath of allegiance* или *fealty*): “I become your man from this daye forwarde of life and limb... Hear you this my lord, that I unto shall be faithful and true...”. Этот процесс был обязательным и основным для так называемых «судов признания» (*courts of recognition*), проводимых в манориальной курии специально для «освящения» местным правом, основанном на обычае (на памяти поколений), процедуры допуска копигольдеров к держанию, верховным собственником которого лорд манора. После этого имя держателя, размеры его участка и условия держания вносились в протокол. Держателю выдавалась *копия протокола*, которая в огромном большинстве случаев расценивалась как подтверждение его прав на землю. Владелец такой копии и назывался копигольдером.

Наиболее интересной и важной для понимания процесса «фиксации» статуса копигольдера местным правом является проблема *условий* его держания, то есть, во-первых, *сроков* этого держания, и во-вторых, *высоты различного рода платежей* лорду, которые требовались с копигольдера при вступлении в него.

Самым распространенным видом крестьянского держания был копигольд «на сроки жизни». Документы манориальной истории свидетельствуют о том, что чаще всего в копии указывались, согласно обычаю, три имени (отец, мать и сын или отец и двое сыновей). Это означало, что после смерти «основного» держателя участок должен последовательно переходить в руки лиц, указанных в копии, при этом непременно подвергаясь процедуре «реверсии», то есть фиксации процесса передачи участка «через руки лорда» в курии, символизирующей разрешение лорда как верховного собственника всей земли в маноре, на эту передачу. Однако лорд должен был – и это было уступкой обычаю – передать землю именно тому лицу, на которое указывал держатель. Следовательно, процедура реверсии, при всей ее обязательности, носила скорее номинальный характер и являлась отражением факта «ратификации» лордом земельных передвижек, основанных на обычае, внутри манора.

В повседневной жизни английского средневекового манора сложились определенные реальные нормы сроков держаний на жизни, когда длительность одной «жизни по копии» вовсе не соответствовала длительности *человеческой* жизни: достаточно сказать, что, как правило, держание «на три жизни» исчислялось в манориальной практике сроком всего в 21 год. Тенденция к исчислению «трех жизней» указанным сроком особенно проявляется в XVI в., в эпоху аграрной революции, как раз в то время, когда краткосрочность держаний становится одним из основных «рычагов» экспроприации крестьянства. Источники этого периода нередко фиксируют и держания на «одну жизнь» – 7 лет, по истечении которых было легко и удобно (при реверсии) изменить, вопреки обычаю, регулировавшему наследственные права членов манориальной общины, условия хозяйственного функционирования того или иного участка копигольда.

Выше упоминалось о том, что в состав условий держания копигольдера, определяемых, согласно обычаю, в манориальной курии при оформлении процедуры допуска, в качестве основной «составляющей» входили различного рода платежи лорду. Чем же конкретно, по обычаю, был обязан лорду копигольдер?

В протоколе о допуске к держанию фиксировался уровень денежной годовой ренты. В очень обобщенном виде можно отметить, что высота рента на копигольде в период аграрной революции могла зависеть 1. от экономических потенциалов земли, в том числе от наличия или отсутствия «коммерческих» типов угодий (например, пастбищ для овец) в составе держаний, 2. от имущественного положения держателя, 3. от сословного его положения (так, дворяне и горожане, «проникавшие» на копигольд, нередко платили ничуть не более

высокую ренту, чем обычные держатели, а во многих случаях – более низкую, или не платили ее вовсе, чем, кстати, не в последнюю очередь и объяснялось стремление «благородных» на копигольд), 4. от того, был ли копигольд «срочным» или наследственным (нередко более привилегированные «соруholders by inheritance» платили относительно более низкие ренты, чем держатели «на жизнь» или «жизни»), и, наконец, 5. от разновременности складывания обычая.

В связи с последним утверждением, очень важным в связи с интересующей нас проблематикой, отметим, что ренты копигольдеров, при всем различии их природы и уровня, объединяло то важное обстоятельство, что они были определенными, фиксированными, «твердыми», то есть не могли меняться из года в год по воле лорда. В данном случае воля лорда, от которой во многом действительно зависела судьба копигольдеров, отступала перед манориальным обычаем, который как раз и был тем самым «цементирующим началом», скреплявшим права крестьян в сфере выплаты ими ежегодных рент. *Если по отношению к средневековому английскому крестьянству и можно говорить об относительной его обеспеченности, то только потому, что в реальной жизни манора существовал такой важный феномен, как обычай твердых рент.*

Итак, вне зависимости от времени складывания обычая, наличие его самого влияло на неизменный характер рент – они, как правило, были стабильными, постоянными. Время же складывания обычая, очевидно, могло влиять на *высоту* рент: если в том или ином маноре обычай, регулирующий отношения между крестьянином и лордом в указанной области, возникал и укреплялся в период невыгодной для крестьянства экономической конъюнктуры (скажем, в эпоху «феодалной реакции» в Англии XIII в.), то ренты могли закрепляться как высокие. Если же обычай, напротив, складывался во времена, с экономической точки зрения тяжелые для господ, то ренты могли быть зафиксированы обычаем как относительно низкие для крестьянства.

Кроме того, в ряду держательских платежей важную роль играли взносы за допуск к держанию или вступные файны (fines of admission). В отличие от фиксированных обычаем годовых рент, файны являлись наиболее подвижной частью держательских платежей, так как зависели от воли лорда. То есть файны, во всяком случае, в период раннего Нового времени, уже отнюдь не были проявлением памяти поколений, закрепляемой в обычае, эту «память» в эпоху аграрной революции ломала т.н. «воля лорда».

Хотя, как показывает анализ источников манориальной истории, в период формирования копигольда как особой формы крестьянско-парцеллярного хозяйства в эпоху коммутации рент и «спонтанного» освобождения крестьянства, файны могли быть относительно низкими или, по крайней мере, разумными. Причем критерий «разумности» подразумевал, что их высота не должна превышать уровня двухгодичного дохода с участка земли с тем, чтобы не привести крестьянское хозяйство к экономическому «дисбалансу» и обеспечить хотя бы его простое воспроизводство. Как показывают исследования, подчас вопрос о сумме файна в XIV в. зависел от обычая, решался коллегиально на заседании манориальной курии, куда вызывали копигольдера и заслушивали его доводы в пользу той суммы файна, которую крестьянин считал наиболее приемлемой для нормальной «жизнедеятельности» своего хозяйства и которая была той же высоты, что у его деда и прадеда. Однако в целом даже и в то время, относительно благополучное для крестьянства, согласно терминологии аграрных исследований, «файны лежали целиком на воле лорда» – воля лорда, таким образом, в данном случае наиболее явственно отрицала обычай манора, являвшийся проявлением разумной памяти целых поколений той или иной местности. А в эпоху бурных перемен XVI – XVII вв. в жизни английской деревни именно они явились тем самым «фактором компенсации», с помощью которого лорды стремились уменьшить свои так называемые «убытки», связанные с неподвижностью

обычных рент. По сути, именно вступные файны, многократно «взвинчиваемые» лордами маноров, играли роль «улучшенной ренты» или «ренты-мечты», о которой писали отечественные исследователи советского периода. Итак, в это время ориентированная на рыночную конъюнктуру воля лорда наиболее явственно деформировала обычай как проявление коллективной разумной памяти.

Далее, в разряд повинностей копигольдеров и в XVI – начале XVII вв. входило, согласно обычаю, выполнение таких обязанностей как выплата брачной пошлины лорду при выходе замуж дочери или женильбе его сына, выплата герцога лорду после смерти крестьянина, нередко – обязанность крестьянина молоть зерно на господской мельнице (описи регистрируют даже необходимость выплаты за это специального взноса в несколько пенсов), нести караульную службу при усадьбе господина, и естественно – регулярно посещать манориальную курию, особенно в так называемые Судные дни.

Здесь мы подходим к изучению такой важной проблемы как роль местного правосудия, основанного на обычае, в жизни крестьянского мира.

«Сердце манора лежало в его судах», – писал А.Н. Савин: до конца XV в. тяжбы крестьян с лордами, равно как и межкрестьянские тяжбы, разбирались исключительно в манориальных судах, вся деятельность которых была построена на местных обычаях. Именно эти обычаи, весьма разнообразные, и фиксировали конкретные даты Судных дней, то есть дней, назначенных для вышеуказанных судебных разбирательств. Они проводились с разной периодичностью, но, как свидетельствуют протоколы манориальных курий, не реже двух раз в год, нередко накануне или после церковных праздников (за период в полгода или несколько месяцев, проходивший от Суда до Суда, дела, очевидно, успевали накапливаться в объеме, достаточном для проведения в высшей степени поучительного для крестьянского мира действия). В самом деле, как свидетельствуют источники, в назначенный день в курию должна была являться большая часть населения манора, в присутствии которой и проводились «показательные» судебные разбирательства, связанные с проступками и преступлениями крестьян внутри манора и возглавляемые, как правило, стюардом, представлявшим на них самого лорда.

В связи со спецификой манориальных судов следует подчеркнуть важное обстоятельство, относящееся к особенностям правового положения копигольдеров, из которых и состояла основная масса английского крестьянства. Копигольдеры были неподсудны, как другие категории населения Англии (включая свободных держателей), судам общего права и потому не «вписывались» в единую национальную правовую традицию как лица, не имеющие собственности (с точки зрения того же общего права). Королевские суды отвергали иски держателей по копии на том основании, что «фригольд земли копигольдера лежит в домене манора», то есть верховным собственником земли копигольдера является не он сам, а его господин. Таков был сложившийся прецедент, ставший в этой области юридической нормой, на которую исключительно и опирались суды общего права до конца XV в.

Истоки этого прецедента коренятся в XII в., когда, согласно реформам Генриха II, крестьяне были исключены из сферы действия королевской юрисдикции. В то время вилланы были приписаны к земле манора, и их судьбу мог решать не король, а лорд; таким образом крестьяне стали подданными своих сеньоров. Какую бы землю, пусть даже свободную по статусу, они ни держали, все равно они были несвободными лично. Таким образом, с указанного времени феодальная зависимость от лорда становится наследственной, а в качестве основной юридической максимы по отношению к вилланам утверждается правило: «Tenementum non mutat stum» («Держание не меняет статуса»). Итак, статус земли не менял статуса держателя, последний всегда предстал как «врожденный».

Разбор дел копигольдеров в судах общего права едва начинается в конце XV в., хотя и до этого времени, и

после, в сферу действия этих судов, как указывалось выше, были включены, кроме них, практически все основные категории английского общества. А ведь держатели по обычаю ничего так страстно не желали, как превращения своих держаний в свободные, что на практике означало бы доступ в суды общего права наряду с фригольдерами и превращение из «подданных» лордов маноров в подданных короля. Особенно важным для них это становится в XVI – начале XVII вв., в эпоху аграрной революции, когда местное право, основанное на разумной коллективной памяти, воплощавшейся в обычае, и до указанного времени более или менее защищавшее крестьян от проявления «злой воли» господина, уже было «деформировано» самими экономическими процессами указанного бурного периода.

В чем это выражалось? В том, что манориальные лорды все больше и чаще нарушали обычай, толкуя принцип его «разумности» слишком расширительно и выгодно для себя. В указанное время лорд становится, говоря образно, не конституционно ограниченным, а абсолютным монархом в маноре, чья воля в значительной степени была ориентирована уже не на обычай, а на рыночную конъюнктуру. Все новые факты экономической жизни XVI–XVII вв., (проникновение дворян на копигольд, огораживания, распространение т.н. держаний «на воле лорда» и аренды, увеличение числа краткосрочных держаний, наступление на фригольд, а главное – повышение в десятки, а иногда и сотни раз фэйнов за допуск свидетельствовали о процессе деформирования манориального обычая, который перед революцией середины XVII в., пожалуй, уже нельзя было назвать «душой и жизнью» копигольда.

Более того: нередко в указанный период манориальные лорды нарушали не только местное, обычное, право, но, если речь шла о перспективе обогащения, попирали и нормы общего права. Так, стоит, пожалуй, в этой связи привести один интересный пример, связанный с массовым превращением к 30-м гг. XVII в. огромного по площади (свыше 3500 акров) свободного держания в манорах Пемброков в Уилтшире в копигольд, с которого можно было к указанному времени взимать неограниченные фэйны. Теория же запрещала превращение свободного держания в обычное (в том числе и путем выкупа, который, очевидно, был совершен Пемброками) на основании того, что «из держания, имеющего фригольд, нельзя создать держания, его (фригольда) не имеющего, то есть держания, фригольд которого лежит в домене манора».

Казалось бы, странно, но чем больше деформировался манориальный обычай, регулировавший условия держания на правах копигольда, тем последовательнее становилась его защита в судах общего права. Уже упоминалось, что рассмотрение тяжб копигольдеров с лордами в этих судах началось в конце XV в. Имеется в виду широко известный в среде историков-аграрников процесс судей Данбл и Брайана, о котором пишет Литтлтон и который является первым и классическим примером разбора имущественной тяжбы копигольдера с лордом не в манориальном суде, а в суде общего права. Речь в этом споре шла о лошади, взятой лордом в качестве гериота у держателя наследственного копигольда вопреки местному обычаю, предписывавшему не взимать этого платежа с привилегированных «наследственных» держателей. Из записей решения суда вовсе не следовало, что это дело было решено в пользу крестьянина (сама запись неясна и обрывочна); важным было то, что возник прецедент. Он был создан в Канцлерском суде, а позднее, в XVI – XVII вв., копигольдеры начинают подавать иски в другие суды общего права, в том числе и в суды Справедливости: Звездную палату и Палату прошений. Чаще всего иски принимались, но, как показал в свое время А.Н.Савин, не всегда рассматривались. Если же рассматривались, то нередко как бы в пользу копигольдеров, то есть с учетом обычая данного манора. В этом и состояла рецепция обычного права правом общим: на обычной стали опираться королевские суды.

Но еще раз подчеркнем то обстоятельство, что в XVI – XVII вв. обычай складывался, ввиду экономических злоупотреблений лендлордов по отношению к крестьянству, невыгодно для копигольдеров и *рецепция обычно-*

го права часто уже не была полезна простым держателям. Ведь юридические формы жизни английской деревни были приняты общим правом в то время, когда от них начало «отлетать» то жизненное содержание, которое было основано на «обычае-защитнике» прежних времен, вмещавшем в себя память целых поколений.

С одной стороны, без частичной рецепции обычая судами общего права крестьянская форма землевладения исчезла бы в Англии скорее, чем это произошло в действительности. С другой – очевидно, что признание манориального обычая (измененного самой жизнью и в период аграрной «перестройки» почти не защищавшего крестьянина) именно перед революцией середины XVII в. являлось, очевидно, неким средством со стороны представителей господствующего класса создать иллюзию соблюдения интересов масс держателей. Правящий класс, конечно, не собирался менять положение кардинально и превратить копигольд в свободное держание. Поэтому можно сказать, что в данной обстановке, по словам А.Н. Савина, «уважение к традиции оказалось сильнее желания реформировать сложившиеся традиции».

Эти традиции, как в дальнейшем показала практика, так и не были реформированы революцией середины XVII в.; копигольд не стал свободным, а остался бесправным и не обеспеченным, не защищенным после революции уже ни обычным, ни общим правом, что и привело в XVIII в. к его исчезновению как формы крестьянского держания, к его прямой узурпации буржуазией и джентри, замене фермерским хозяйством и поместьем нового, капиталистического, типа.

Таким образом, в указанное время имела место не только прямая и открытая, начавшаяся задолго до революции, узурпация владельческих прав английского крестьянства, но и сознательно негативное отношение правящего класса к материализованной в местных обычаях памяти поколений: писаному или неписаному местному праву – фактор, до сих пор не учитывавшийся в историографии при исследовании истории английского крестьянства периода раннего Нового времени.

П.Ю.Уваров (к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН) Историк и нотариус

Доклад был посвящен исследованию французского общества XVI в. по нотариальным актам. Следуя традициям социальной истории 1960-х годов, автор предпринял попытку реконструкции французского общества середины XVI в. «с чистого листа», не на основе обычных схем, используемых в историографии, а на основе таких особых (массовых) источников как нотариальные акты, сочетающих в себе (при известной методике их обработки) информацию как об общественных структурах, так и антропологически направленную информацию о «человеческой составляющей» этого общества.

Источниковую базу исследования составляют акты нотариального происхождения. Прежде всего это «Книги регистров» Парижского городского суда (Шатле), в которых, в соответствии с королевским ординансом 1539 г., в обязательном порядке регистрировались дарения недвижимости. Это были нотариальные акты, переписанные клерками Парижского Шатле в особые книги. В работе использовалась публикация аналитического инвентаря первых 15 «Книг регистров Шатле» (1539–1559), изданная А. Кампардоном и Э. Тюетеем в 1906 г., а также оригиналы этих книг, хранящиеся в Национальном архиве Франции (серии Y 86–Y 100). Были рассмотрены некоторые серии этих дарений: дарения, адресованные студентам Парижского университета, дарения в связи с заключением брака, дарения по причине стрости и некоторые другие их виды (дарения в форме завещаний, ревокация или отмена дарений и др.). В случае необходимости привлекались материалы нотариальных минут, т.е. контрольных экземпляров, остающихся у нотариусов и хранящихся в архивах нотариальных контор (материалы Центрального Парижского хранилища нотариальных минут). В зависимости от исследовательских задач автором привлекались пособия по нотариальному и судебной практике, учебники по нотариату, памятки законодательства, юридические трактаты, а также широкий спектр нарративных источников. Прежде всего, автор

делает вывод об иерархичной структуре общества, о членении его на разные "объективно" существующие группы. Об этом свидетельствуют многочисленные критерии "престижности" и "приниженности", которые получены в ходе анализа. Но особенность нотариальных актов как источника состоит в том, что воссоздаваемая на их основе социальная иерархия значительно отличалась от ожидаемой строгости сословного членения. Дарители сплошь и рядом вели себя не по правилам, встречались богатые крестьяне и бедные дворяне, шурином землепашца оказывался гуманист, дворяне почему-то фигурировали в числе родственником купца-шоссетье, адвокаты Парламента упоминались как кузены и племянники крестьян. Все полученные автором индексы действовали лишь в виде тенденции, пробивая себе дорогу сквозь хаос отдельных случаев.

Представляется, что причин этого может быть несколько. Одна из них кроется в эвристических возможностях историка, работающего с этим типом источников. Массовый нотариальный материал открыл перед французскими историками 1950-60 гг. перспективу написания социальной истории, отказываясь от "лжи слов", от предзаданных социальных терминов и категорий, имеющих идеологическую окраску и влекущих за собой длинный историографический шлейф всевозможных коннотаций. В какой-то мере автор также поддавался на этот соблазн и попытался проделать это применительно к своему материалу. При всем своем желании историк не сможет построить свой текст так, чтобы рассказывать о драматических коллизиях, порожденных конфликтом между "группой № 8" и "подгруппой № 23 bis". Даже если он и попытается это проделать – все равно за этими номерами для него и для читателей будут скрываться некие образы, которые станут диктовать определенный способ восприятия той или иной группы. Тем более не останутся нейтральными и все наши условные термины "высшие", "низшие", "Судейские и чиновники" и проч. Рассуждения на эту тему, конечно, весьма интересны, но подводят исследователя к той грани, за которой начинает действовать пресловутый "эффект сороконожки".

И все же нельзя не остановиться на одном моменте – нотариальные источники затрудняют применение логических аристотелевских принципов категоризации, основанных на критериях необходимых и достаточных условий. Если полагать, что исследуемая социальная группа, например, дворянство, должно обладать какими-то чертами, которыми обладают все дворяне и не обладает никто кроме них (а именно этого и ждешь от группы, имеющей особый правовой статус, тем более – от сословия), то нотариальные акты не оставят камня на камне от ожидаемой социальной структуры.

Об этом свидетельствует и модель "университетской Франции" где, общности походят, скорее, на звездные скопления: вокруг одной точки, ядра всей совокупности, группируются дарители, в разной мере обладавшие характерными для данной группы признаками. Края этих скоплений находили друг на друга, и исследователь постоянно сталкивался с дарителями, которых трудно было отнести к той или иной группе. По всей видимости, нотариальные источники как нельзя лучше подходят для другой, так называемой "прототипической" теории классификации. Согласно ей, в основе выделяемых категорий лежит их группировка вокруг неких идеальных типов или "хороших примеров", выполняющих роль ядра совокупности, при том, что некоторые эмпирические объекты с трудом поддаются классификации и поэтому границы между категориями остаются размытыми. Во всяком случае, выделяемые категории, группы и подгруппы проще всего было бы назвать по именам их наиболее ярких представителей. Эти "кадры" играли явно большую роль, чем просто иллюстративную, они-то и выступали как "ядро совокупности".

Примечательно другое. По каким-то причинам на эту роль "хорошего примера" или "прототипа" сплошь и рядом попадали люди (точнее, их акты), отнюдь не являющиеся типичными. Но именно вокруг них можно без особого труда нарисовать социальный портрет этой яркой группы. Вспоминаются некие полузабытые постулаты определений "социалистического реализ-

ма", а также споры вокруг многозначной формулировки "исключительного нормального". Во всяком случае, преимущества казусного подхода вполне очевидны, за счет создаваемого ими эффекта лучше выявляются в обычной жизни сокрытые и непроговариваемые социальные нормы. Но с чем мы имеем дело – с эпистемологическими или с онтологическими свойствами истории? Думается, поиски ответа на этот вопрос нас еще долго будут занимать в будущем.

Методы, привнесенные в историческое исследование исторической антропологией и микроисторией, дают возможность задавать нотариальным актам новые вопросы, которые не слишком занимали историков 50-60 х годов. В связи с этим, на основании нотариального акта больше, чем это представлялось ранее, можно узнать о человеке XVI века, который предстает перед нами отнюдь не только как пассивный объект классификации. Даже там, где, казалось, его инициатива максимально ограничена принуждениями нотариальной формы, он остается способен сохранять свои личностные черты, настаивать на своем видении ситуации.

Более того, на современном уровне развития исторической науки становится очевидно, что интериоризация исторического объяснения, восстановление субъективной стороны исторического процесса, выявление внутренних побудительных мотивов в поведении людей, реконструкция их системы ценностей являются не только возможными, но и необходимыми условиями исторического исследования. Очевидна недостаточность одних лишь "объективных" данных, "внешних" по отношению к изучаемым людям.

При этом позиция нотариуса оказывается уникальной. Помимо того, что он подвергает первичной формализации богатство и неповторимость реальной жизни, он фиксирует чрезвычайно важные для историка моменты. Ведь, несмотря на гораздо более частые, чем у современного человека, визиты к нотариусу, для француза XVI века посещение нотариальной конторы было исключением из обычного течения жизни. Там он вынужден был думать и говорить о рутинных или как говорят социологи, о "фоновых" практиках, в обычной жизни не подвергавшихся какому-то специальному осмыслению; это проговаривалось и заносилось на бумагу или на пергамен. Роль нотариуса была при этом достаточно активной, но все же речь шла о совместном творчестве. Поэтому нотариальный акт столь важен для изучения трудно уловимой, но в последнее время весьма интригующей исследователей истории повседневности, а также и для истории ментальностей, поскольку и мэтр, и его клиент ориентировались на те стереотипы формуляров, которые соответствовали индивидуальным представлениям человека. "Считать" эти умонастроения достаточно сложно: эта работа требует специальных, причем, в каждом случае – своих методик и знания особенностей нотариата в каждом отдельном случае. Однако она вполне возможна и перспективна. Ряд историков анализировал нотариальные акты с целью выявить представления о смерти, бытовавшие в обществе. Мы попытались проделать это применительно к представлениям о ценности университетского образования и о старости. Наверняка возможно продолжить подобные исследования (например, анализируя представления о чести и достоинстве, о детях, о профессиональной подготовке и т.д.).

Микроисторический подход, примененный по отношению к казусам нотариальной практики, к авторам "девиантных" актов, показывает, сколь взгляд "из мышиной норы" может отличаться от взгляда "с птичьего полета". Герои нашей последней главы постоянно лавируют между различными институтами, демонстрируя способность достаточно гибко "играть" своими идентичностями. Они весьма активны в отстаивании своих позиций и, как это ни покажется странным, зачастую выходят победителями из столкновений с, казалось бы, неодолимыми историческими процессами. На этом уровне исследования мы подходим к столь сложным философским проблемам, как роль личности в истории, случайность и закономерность, исторические альтернативы и т.д. Мы видим, что эти люди сами могли создавать казусы, имеющие долговременные последствия.

Микроисторический или, в нашем варианте, "казусный" подход позволяет делать сразу много наблюдений, которые вряд ли были бы возможны при макроисторических подходах, т.е. с точки зрения развития государственных учреждений, эволюции больших социальных групп, истории идей... Достаточно вспомнить многочисленные "профиты", извлекаемые нами из рассмотренных казусов, подобно тому, как средневековый проповедник извлекал назидательный смысл из своих "экземплов". Да и сама монархическая власть представляется нам в ином виде. Тьерри Дюмонт позволяет по-новому взглянуть на урбанистические проекты Генриха II, мытарства Филиппа Кавелье проливают свет на борьбу между различными фракциями чиновников и конкуренцию между судебными куриями, Рауль Спифам дает возможность увидеть внутреннюю логику мер, предпринимаемых монархом, чьи действия историки склоны были считать лишенными всякой последовательности и сугубо прагматичными.

Но и более того - "казусы" позволяют установить некоторую связь между личностью и стилем нотариального поведения, говорить о "графологической экспертизе" акта. В перспективе это могло бы дать неожиданные результаты: ведь если о юрисконсультах, гуманистах и теологах мы можем что-то узнать из их трудов, то от большинства участников нотариальных актов иных свидетельств не осталось. Существуют некоторые подходы к истории, в рамках которых эта информация может оказаться востребованной.

Но при этом ни в коем случае нельзя забывать той простой истины, что и скрытые и явные смыслы поступков изучаемых людей оставались бы нам совершенно недоступны без взгляда с "птичьего полета", без работы над "объективными" показателями ("индексами"), без усилий по выделению социальных иерархий. Не составив типологического ряда дарений пожилым людям, мы бы никогда не осознали исключительности казуса крестьянина Жана Окока и сержанта Николая Филона, да и университетское дарение Рауля Спифама оставалось бы для нас одним из типичных примеров, и не более.

Таким образом, опора на нотариальные акты в сочетании с новыми методами может придать "второе дыхание" социальной истории. "Возвращение субъекта" в историю, при всей спорности этого определения, позволяет оценить второе важнейшее качество нотариальных актов как исторического источника – это не только массовый материал, но материал сугубо конкретный, индивидуальный и личностно-окрашенный.

Нотариальные акты позволяют производить кластерный анализ, могут информировать нас о ближайшем окружении человека, могут давать прекрасный материал для гендерных исследований. Мы сумели затронуть лишь незначительный сегмент этого поля возможности. Но, как представляется, нам удалось хотя бы показать неисчерпаемость этого источника, а это уже не так мало.

Юрген Кляйн

(D.Ph., проф., Грайфсвальд, ФРГ, член Международного общества интеллектуальной истории)

«Преумножение знаний» Фрэнсиса Бэкона:

программа пересмотра системы научных дисциплин в раннее Новое время

Доклад представляет собой попытку пролить свет на первый вариант предпринятой Бэконом ревизии энциклопедической системы наук, со временем ставший центральным элементом его научной программы. Необходимо, впрочем, отдавать себе отчет в том, что концепт энциклопедии претерпел существенные изменения, которые привели к ревизии традиционных способов трактовки знания. Аристотелевское определение *scientia* как демонстрации знания на основании аксиом вело к универсально значимым и аналитическим заключениям, однако в нем отсутствовала общая теория науки, в то время как отдельные дисциплины имели дело с особыми проявлениями бытия. Классификации дисциплин по Аристотелю возможны лишь благодаря дальнейшему делению внутри групп, так что каждая подчиненная дисциплина имеет дело с фактом знания (*quia*), а образ действия (*propter quid*) относится к высшей дисциплине. Следовательно, Аристотель не предлагает полной клас-

сификации дисциплин. У него метафизика охватывает естественные науки, математику и теологическую философию; он также различает между теоретической наукой, искусством и благоразумием.

В средние века было известно два вида энциклопедий: философско-теологическое универсальное знание, помышляющее предикаты Бога как единство эманации и полное представление о науках, развитое арабскими философами от Аль-Фараби до Аверроэса. Неоплатонизм в соединении с христианским богословием развил философию Единого как условие для всего сущего (Плотин, Прокл), а Бог рассматривался как источник всего сущего и всех идей, которые стали реальностью в творении. Согласно Авиценне, границы всего возможного знания были очерчены этими божественными идеями, которые преобразились в мир. Достаточно отметить, что *De Divinis Nominibus* Дионисия Арепагита называет божественные предикаты, которые в конце концов определили представление о научных дисциплинах.

С развитием *studia humanitatis* в Европе в XIV–XV вв. стал доминировать тривиум, дополненный поэзией, историей и этикой. Этот набор гуманистических дисциплин готовил ученых, дипломатов и государственных деятелей к новому отношению к жизни, именовавшемуся *vita activa*. Специальное знание отделилось от общего знания образом *Arbor Scientiae*, в том виде, в каком оно использовалось Раймундом Луллем в XIII в. Раймунд выводил все возможное знание из божественных предикатов. Следовательно, разные структурные комплексы внутри отдельных дисциплин впоследствии были визуализированы разными таксономическими древами (например, грамматика, генеалогия). Когда немецкие школьные философы XVII в. заменили *Arbor Scientiae* всеобъемлющим систематическим подходом, они имели влиятельного предшественника в лице Фрэнсиса Бэкона. Но прежде чем Бэкон или немцы XVII в. воплотили в жизнь свои инновации, программа европейских университетов в области классификации наук оттачивалась от тривиума и квадривиума, а также прочих областей знания – медицины, права и теологии (=высшие факультеты). Такие структуры дисциплин находили себе соответствие в энциклопедиях как хранилищах знания и учебниках. С самого начала принцип их организации был основан на топосах или категориях, которые были взяты из десяти категорий Аристотеля, которые впоследствии были расширены риторическими и диалектическими таксономиями в духе Рамуса, Савиньи и Альштеда. Позднее Ренессанс стал свидетелем возрождения квадривиума, а также дифференциации научных дисциплин, так что прагматически и филологически ориентированные гуманитаристы столкнулись с другими, кто, как Дзабарелла, в своей работе фокусировались на науке и методологии. В некоторых дисциплинах, например, в географии, систематический и исторический аспекты были соединены.

Именно в этот момент возникает новый подход Бэкона: он предполагает идею исследования как прогресса во времени, так что новое знание будет нуждаться в новых областях исследования, которые составляют открытую систему научных дисциплин, необходимых для динамического развития теорий. Здесь мы должны спросить, на каком основании Бэкон дистанцировался от концепции полного и фиксированного знания, которое собрано в книгах согласно принципам таксономии и тематической организации информации? Причин тут две, включая скептическое отношение Бэкона к традиционной организации знания, приведшее его к открытию новой, специфической модели научного исследования, а именно, *scientia operativa*. *Scientia operativa* (экспериментальная, практическая наука) предполагает всеобъемлющее исследование причин природных процессов.

Для бэконовской ревизии системы дисциплин важны три взаимосвязанных аспекта, тесно связанные с (1) его новым взглядом на метод и систему и (2) с тремя стадиями развития науки и философии: античность, средние века, раннее Новое время.

Начиная с 1590-х гг. Бэкон размышлял над методологическими вопросами, но он также развивал идею общей реформы науки. Очень рано он начал критиковать тот вид аристотелианства, который ему был знаком с его студенческих дней в Тринити колледже (Кембридж). Бэкон признавал, что соединение традиционной методологии, – если она существовала, – и аристотелианства затрудняло развитие знания.

В своем «Размышлении» в похвалу королеве, написанном в Грейс-Инн в том же году, которое Спеддинг назвал «Бэконовской похвалой знанию» Бэкон утверждал, что интеллектуальное замешательство и ложные измышления могут быть отброшены благодаря введению эмпирических исследований.

В написанной Бэконом «маске» *Gesta Grayorum* в 1594 г. правительницу просят основать 4 института для развития знания; библиотеку, ботанический сад, музей и лабораторию. Таким образом, уже в 1594 г. мы видим предвосхищение той институциональной структуры, которая в «Новой Атлантиде» известна как *Дом Соломона*. Бэкон имел смелость обратиться к Елизавете с «идеей естественной философии, управляемой монархом». Основой Бэконовского духа реформ в области науки послужил кембриджское аристотелианство. Бэкон критиковал логику силлогизмов и чисто умозрительную натурфилософию, что привело его к новому представлению о науке, предполагающему эмпирический подход; «все диспуты ученых никогда не привели к обнаружению природных явлений, доселе неизвестных». Уже в своей «маске» *Gesta Grayorum* Бэкон затронул идеи, которые он впоследствии связал со своим индуктивным методом и учением об идолах, чрезвычайно важных для *scientia operativa*.

2.

Бэконовская реформа системы научных дисциплин связана не только с полемикой между сторонниками старого и нового подходов. Его критика Аристотеля сопоставима с критикой «полу-модернистов» Телезио и Парацельса. Она нашла выражение в неопубликованных текстах, созданных как до, так и после «Приумножения знания», т.е., в *Temporis partus masculus*, *Valirius Terminus*, *Cogitata et Visa*, а также в *Redagratio philosophiarum*. В этих текстах Бэкон отвергает представление о полноте знания и предполагает (1) возрождение учения о двух книгах, Книге Бога (выражающей волю Бога) и Книге Природы (выражающей Его могущество), (2) возрождение досократиков, особенно учения Демокрита о материальных атомах. Уже в ранних трактатах он показывает несоответствие между традиционной или формальной логикой и своей идеей логики исследования. Следовательно, мы можем утверждать, что сочинения Бэкона 1603–1611 гг., включая «Приумножение знания» предполагают соединение античных, средневековых и ренессансных учений ради общей атаки на *status quo* в знании, его организации и формах его приобретения.

3.

Если мы соединим оба положения воедино, бэконовская программа научной реформы обретет очертания. Неудовлетворенность гуманизмом помогла определить исходный пункт проекта реформы Бэкона. В большей степени, нежели ранний гуманизм Мора, Колета или Эразма, Бэкон выступал против поздних форм филологического гуманизма, а также против ренессансной натурфилософии. Более всего он критиковал «тонкое знание» (=гуманизм) и «фантастическое знание» (астрологию, природную магию и алхимию). Гуманисты были обвинены в предубеждении из-за того, что они находили «удовольствие в стиле и фразе и восхищались такого рода сочинениями». В противоположность научной точности Аристотеля в его биологических сочинениях, представители фантастического знания отдают предпочтение воображению, а не разуму. Бэкон утверждает, что наука должна быть делом общественным и отвергает таинственность астрологов, магов и алхимиков. Бэконовскую программу реформ, которая справедливо была названа «полной перестройкой наук через применение нового метода» можно постичь, обратившись к предпринятому им пересмотру системы дисциплин. В своем

посвящении ко второй книге «Преумножения знания» Бэкон восхвалял Якова I как ученого и мудреца в надежде завоевать его благосклонность и получить деньги для своей масштабной программы реформ. Неудивительно поэтому, что «тон [книги] в целом был умеренным, по сравнению с тем, что мы обнаруживаем в некоторых из его неопубликованных произведений». В посвящении Бэкон призывал к чистому исследованию «в искусствах и науке в целом» во имя обеспечения прогресса в знаниях. Поскольку доступно так много изложений системы, достаточно будет подчеркнуть принцип. Наиболее важным в системе Бэкона является то, что по своему замыслу «Преумножение знания» представляет собой противоположность энциклопедии. Книга предполагает описание дисциплин с точки зрения охвата всех областей знания, недостаточность которого должна быть устранена, а пробелы заполнены новыми дисциплинами.

По сравнению с традиционными таксономическими структурами организации знания замысел Бэкона подчеркивал систематический подход, как я уже упоминал ранее. Все устремления ученых и, следовательно, модель дисциплин, заимствованы из свойств человеческого разума: размышления / философия – воображение / поэзия – память / история. Хотя такие сопоставления могут показаться упрощением, они таковым не являются, так как несомненно отталкиваются от эпистемологического взгляда, превосходящего простое прибавление дисциплин.

Ствол древа знания, – если использовать древнюю метафору, – больше не обозначает высшую абстрактную, онтологическую и богословскую истину, но основные «умственные проявления человека». Следовательно, присущие человеку способности составляют начала всего человеческого знания, если оставить в стороне теологию или *Philosophia perennis*. Разум, данный человеку Богом, предполагает законность свободного исследования.

Когда Бэкон относит философию к области разума, оказываются охваченными все ответвления этой дисциплины. Естественная философия, часть, которая интересовала его больше других, исследует причины природных процессов, (1) путем индукции = от опыта к фактам, и (2) дедукции = от причин / фактов к изобретению, так что изучение естественных причин одновременно является опытным, действенным и практическим: материальная (причина)–формальная метафизика–физика (материя, сила)–действенная финальная.

Различие между спекулятивной и прикладной физикой для Бэкона столь же важно, как и различие между метафизикой и *philosophia prima*. Спекулятивная физика имеет дело с исследованиями причин и называется естественной наукой, тогда как прикладная физика обращена к производству действий и именуется естественным благоразумием. Естественная наука разделена у Бэкона на физику и метафизику. Первая рассматривает изменяющиеся и частные причины, тогда как последняя обращается к общим и постоянным причинам, по отношению к которым используется термин «форма». Формы являются чем-то более общим, чем четыре аристотелевы причины, и именно поэтому рассуждение Бэкона о форме субстанций как наиболее общих свойствах материи является последней стадией, достигаемой человеческим разумом в исследовании природы. Метафизика, однако, не тождественна *philosophia prima*. Последняя занимает в его системе место, где рассматриваются общие категории общей теории науки, что предполагает два условия: (1) они являются универсальными мыслительными категориями (2) они важны для всех дисциплин.

Финальные причины дискредитируются в философии Бэкона, так как они порождают затруднения в научном исследовании: более того, они подталкивают нас сплавить воедино элементы теологии и телеологии, так что изучению природы не остается места:

естественная история–физика–метафизика–причины–причины–факты.

Бэконовская пирамида познания заканчивается законами природы (наиболее общими принципами). Снизу она начинается с наблюдений, движется к постоянным от-

ношениям и общим взаимосвязям, затем достигает стадии форм. Процесс обобщения идет от естественной истории через физику к метафизике, а случайные взаимосвязи и отношения устраняются при помощи метода исключения. Важно подчеркнуть особый смысл «метафизики» в рассуждениях Бэкона: это понятие (1) включает «бесконечность индивидуального опыта» при помощи обобщения, имеющего телеологический акцент, и (2) дает возможность разуму порождать множество способов действенного применения (общих законов). Хотя естественная философия Бэкона (факты) выступает против гуманитарной сферы (слов), не стоит считать это противопоставление абсолютным. Важный аспект его философских размышлений связан с соединением новых представлений о системе и методе с идеей прогресса, которая не может быть отделена от истории. Бэкон не просто предполагал введение *historia literaria* как новой дисциплины. То же самое верно и для *historia naturalis*. По отношению к последней он использовал сравнение с писцом, пишущим под диктовку, – а диктует здесь природа. Истинная философия представляет то, что представляет природа. Другое сравнение уподобляет исследующего судье, вызывающему природу в суд, чтобы допросить ее, если понадобится, под пыткой (при помощи эксперимента). Прогресс человека в науке может быть достигнут, лишь если естественная история опишет все, что есть, а также даст последовательные объяснения устройства мира. Согласно Хансу Блуменбергу *interpretatio naturae* Бэкона предназначено для восполнения всего того, что человек забыл после грехопадения: обозначение природных феноменов.

Если человек имеет свободный доступ к Книге Природы, он не должен довольствоваться лишь ее чтением, он должен найти имена вещей. Если это произойдет, человек вновь станет благородным и могущественным существом, и здесь есть и другой смысл. Книга Бога теряет значение по сравнению с Книгой Природы, ситуация, которую Блуменберг назвал «асимметрией в чтении». Но процесс чтения имеет открытый финал, так что прибавление знания и распространение системы дисциплин не может больше быть ограничено такими понятиями, как завершенность и вечность знания.

Последствия расширения мирового текста действиями человека предполагают, что Книга Природы не просто остается выражением власти, но превращается в нечто другое. Книга Природы становится центром человеческого бытия – его санкцией. С приращением знания книга, наконец, приобретает статус манифеста, который совпадает с книгой человеческой истории.

(Перевод на рус. яз. В.В. Зверевой, А.Ю. Серезиной)

Стивен Гаукроджер
(D. Ph., проф., Сиднейский университет, Австралия)
член Международного общества интеллектуальной истории)

Научная революция, современность и Запад

Если понимать науку как продукт культуры, двумя наиболее важными формообразующими научными событиями Нового времени стали коперниканство и дарвинизм, первое из которых обозначило начало новой эры более решительно, чем любое другое научное явление, а второе ознаменовало переход от одной культурной идиомы к другой, сильно от нее отличающейся. Победа коперниканства и дарвинизма, как обычно предполагается, проявилась двояко. Во-первых, они сумели победить отчаянное сопротивление со стороны признанной религии. Во-вторых, они заместили собой общепринятые философские взгляды, доминировавшие со времен античности и признававшиеся авторитетными в течение двух тысячелетий. Если мы сочтем коперниканство началом борьбы с ненаучными дисциплинами, а дарвинизм – началом финальной фазы этой борьбы, возникнет искушение признать их победу как обозначение *sui generis* природы научных ценностей. Иначе говоря, они показывают, что в отличие от познавательных ценностей и норм теологии и гуманитарных дисциплин, например, основные ценности и нормы науки не могут быть опровергнуты извне.

Я хочу выдвинуть предположение, что в этом и состоит самая примечательная черта западной науч-

ной культуры в Новое время, и, более того, усвоение познавательных ценностей научными является важной особенностью современности. Но прежде всего я хочу показать, что это также и одна из самых загадочных черт западной научной практики, которую труднее всего описывать.

Лучшим подходом к данному вопросу, пожалуй, станет вопрос о том, есть ли в Научной революции что-то особенное, отличающее ее от прочих видоизменений научных культур. И если это особенное существовало, состояло ли оно в том, что ученые ухватились за единственный удачный способ заниматься наукой, или же в том, что в силу ряда случайных причин Научная революция представила свою модель научной практики (или, пожалуй, ее идеализированную версию) как единственно жизнеспособную? Второй вопрос естественно заставляет спросить о том, была ли научная практика, порожденная Научной революцией, единственным способом успешного развития этой практики.

Если обратиться к историографии в поисках причины ее успеха, можно найти два объяснения: способность западной науки отделиться от религии и ее схоластической логики. Совсем недавно, например, видный историк Дэвид Лэндс в своей популярной книге «Богатство и бедность наций: почему одни так богаты, а другие так бедны» говорил о том, что экономический и социальный прогресс в мире обусловлены «западной цивилизацией и ее распространением». Он определяет науку как один из важнейших компонентов экономического роста Европы. Наука на Западе, говорит он нам, развивалась как независимый метод интеллектуальных изысканий, свободный от социальных ограничений официальной религии и политических ограничений централизованной власти. Он также утверждает, что хотя в Европе отсутствовал политический центр, ученые выигрывали от использования единого средства коммуникации – латыни – которое облегало полемику, в ходе которой новые представления о физическом мире могли испытываться, демонстрироваться, а затем распространяться по всему континенту, а позднее – по всему миру.

Возьмем сначала вопрос религии. Безусловно верно, что отношения между религией и естественной философией в XVI–XVII вв. радикально изменились, однако сдвиги были отнюдь не однозначными, и принесли они не отход от религии, но, скорее, во многих отношениях – возвращение к ней. Пожалуй, лучше всего дать общее описание этих перемен, сказав, что один вид отношений между теологией и естественной философией – в котором обычно обращаются к метафизике, чтобы соединить между собой утверждения теологии и естественной философии, – был заменен другим соотношением, где не существовало метафизического посредника, поскольку считалось, что естественная философия открывала природу Бога и его намерения таким образом, который не требовал посредников. Первый способ характерен для многих средневековых толкований отношения между метафизикой и теологией, особенно после возрождения томизма во второй половине XV в. Последний путь мы связываем с английской естественной философией XVII в. и позднейших периодов, но он имел своих представителей во Франции XVII в., например, Гассенди. В самом деле, именно он значительно подтолкнул развитие натурфилософской мысли раннего Нового времени, в которой непосредственной целью исследования является обнаружение Бога через его труды: естественная философия есть путь к естественной теологии. Здесь мы должны вспомнить, что XVI и XVII столетия были, в одном, весьма важным отношении, временем наиболее интенсивно переживаемой религиозности, которое когда-либо знала Европа. Ряд четко определенных моральных стандартов, в соединении с требованием к бдительному отношению к собственной личности, характерные для монашеской культуры на протяжении всего средневековья, были полностью перенесены на все население в ходе Реформации и Контрреформации. Хотя, безусловно, имели место конфликты между отдельными философами и определенными церковными властями, между религией и естественной философией как таковой конфликта не было, как например,

между христианством и дарвинизмом в XIX в. Конечно, были и исключения из взгляда на естественную философию как путь к естественной теологии, но мало сомнений в том, что своей популярностью и успехом в XVII и XVIII вв. естественная философия была обязана именно религиозной мотивации. Эта религиозная мотивация была усилена в XVIII в., так как естественная история сменила космологию в качестве центра внимания, и именно из-за религиозного наполнения естественной истории дарвинизм непосредственно затронул ключевые вопросы науки и религиозных верований. (Вспомним, что Дарвин в молодости мечтал о синекуре в Англиканской церкви, потому что именно среди сельских викариев стоило искать самых искусных ученых).

Касаясь вопроса о схоластической модели рассуждения, следует сказать о роли схоластической культуры, однако ситуация неоднозначна. Схоластические модели рассуждения целиком были осуждены многими из первых представителей новой естественной философии, прежде всего, ключевыми фигурами этого направления. Хотя Бэкон, Декарт и Бойль мало в чем были согласны, каждый отвергал такой вид рассуждения как характерный для бесплодного схоластического диспута, целью которого была победа в споре, а не обнаружение новых истин. Таково было одно из наиболее распространенных обвинений, высказывавшихся сторонниками нового подхода в первой половине XVII в. В самом деле, принимая во внимание широко распространенное мнение о том, что неспособность Китая породить схоластический подход оказалось одной из основных причин отсутствия здесь научной культуры западного типа, поразительно, что представление Бэкона об условиях, при которых естественная философия могла бы успешно развиваться, совпадает с тем, что, согласно общему мнению, реализовалось в китайской культуре: не-схоластической, централизованной и центростремительной.

Если религия и схоластическая традиция не дают объяснения, то где его искать? Здесь мы должны спросить: объяснение чему? Мы никуда не придем, если не сможем различить виды факторов, которые могли привести к Научной революции, и тех, что могли способствовать ее развитию. В литературе о Научной революции молчаливо присутствует мнение о том, что описание первого есть рассказ о втором, а история о распространении коперниканства после Кеплера и Галилея, имевшем своей кульминацией *Principia* Ньютона, объясняет последующее развитие науки, так как все эти тенденции устремлялись в одну сторону, по направлению к истине, тогда как более ранние тенденции, или же те, что развивались вне Запада, были в этом отношении менее успешными. Подспудным проявлением данной позиции является отсутствие серьезного исследования развития Научной революции, как если бы объяснение того, как она началась, есть *ipso facto* объяснение ее (консолидации) развития. Но когда мы серьезно рассмотрим вопрос о (консолидации) развитии, мы увидим, что эти тенденции не могут дать объяснения последующему развитию Научной революции, хотя бы потому что речь идет о простом их совпадении. Замечательные достижения науки, в оптике, астрономии, статике, теории машин, медицине и технике, имели место и в более ранних культурах – классической Греции и эллинистической греческой диаспоре, исламского мира IX, X и XI вв., в Париже и Оксфорде XII–XIII вв., а также в Китае, особенно в XII–XIV вв. Однако во всех этих случаях после периодов интенсивности научной жизни шла на спад.

Возможно, тут можно говорить о мини-научных революциях, но не о несостоявшихся научных революциях. Верно, что отличие их от Научной революции состоит в том, что они явно оказались на в состоянии консолидировать достижения науки, но мы не должны предполагать, что масштабная консолидация того типа, что мы встречаем в Научной революции, когда-либо входило в их программу. Напротив, данные свидетельствуют о том, что для них было характерно решение ограниченного числа специальных проблем, и успех в этом обычно приводил к тому, что научные проблемы переставали привлекать большое внимание. Идея

масштабной консолидации не является чем-то, изначально свойственным научной деятельности, но она стала таковым после Научной революции. Без консолидации мы просто не имели бы Научной революции: мы получили бы результат под стать тому, что произошло в раннесредневековом Багдаде или Андалусии, или в Китае династий Сун и Мин. Успешное обобщение является характерной чертой Научной революции. Но обобщение не просто вопрос успеха, это успех в достижении цели, отсутствовавшей в предшествовавших научных культурах, а также вне пределов Запада.

Вопрос о том, почему и как Научная революция породила эту цель, по крайней мере, столь же интересен, я полагаю, как и вопрос о том, как она была успешно достигнута. Если масштабная консолидация никогда не играла важной роли в научных программах, и если их цели, за редкими исключениями, обычно диктовались извне, как же случилось, что возникла рожденная внутри программа консолидации, и когда и при каких условиях это произошло?

Мы должны признать здесь, что хотя многое в возникновении Научной революции случайно, она не может целиком оказаться случайностью. В развитии естественной философии от Кеплера до Ньютона должно быть нечто такое, что сделало возможным развитие успешной традиции непрерывной научной практики. Это «нечто» вряд ли окажется уникальным, и даже если бы это было правдой, оно само по себе не объясняло бы развитие Научной революции. Но поскольку оно является *sine qua non* Научной революции, разумно ожидать, что оно играло основополагающую роль в ее объяснении.

Первой задачей должна быть попытка отделить случайное от необходимого в развитии Научной революции, и сегодня я предлагаю некоторые начальные и упрощенные размышления о том, что мне представляется здесь ключевыми вопросами.

Первое, о чем мне хочется сказать, состоит в том, что нам нужны сравнения с не-западным миром. Для сравнения я буду использовать в основном Китай и Иберию, потому что он имел богатую научную культуру, обгонявшую европейскую в ранне и высокое средневековье, научную культуру, сильно отличавшуюся от западной, развивавшейся совершенно иначе. Если что-то и может позволить нам дистанцироваться от Запада и предоставить нам перспективу, в которой явное и незаметное начинает выглядеть спорным, так это китайская наука. Иберия же, потому что Научная революция принесла с собой целую культуру перемены, которую ряд европейских стран отвергли: православные культуры России и Греции продолжали осуждать коперниканство в XVIII и XIX вв. соответственно, и научная культура зарождалась здесь с трудом, за исключением сильно «вестернизированного» Санкт-Петербурга. Иберия еще интереснее, так как в XVI в. Испания была форпостом Научной революции, но полностью отвергла принесенный ею модернизм, пытаясь вместо этого оживить средневековую культуру, которая здесь, по сути, была видоизменена более, чем где бы то ни было в Европе.

Позвольте мне отметить по очереди некоторые черты обоих случаев, которые, как я думаю, помогут нам лучше понять развитие науки на Западе.

Начнем с Китая. В 1068г. мусульманский ученый Саид аль-Андалуси создал свою «Книгу категорий наций», в которой перечислялись научные достижения всех известных стран и народов: Индии, Персии, Халдеи, Греции, Рима, Египта, арабского Востока, мусульманской Испании (Андалусии) и евреев. Современные автору европейцы и африканцы были особо исключены из списка, как на имеющие интереса к науке, и отброшены почти животные, однако отношение к туркам и китайцам более интересно:

Из народов, не имеющих интереса к науке, самые развитые – китайцы и турки. Китайцы – самый многочисленный из народов. Они имеют богатейшее царство и занимают наибольшую территорию... Они превосходят другие народы в ремесленном мастерстве и изобразительном искусстве. Они обладают превосходным терпением при исполнении трудоемких работ, их улучшению и совершенствовании своих произведений.

Идея «науки» – *ulu m* – здесь очень широкая, она включает в себя все человеческое знание, так же, как и латинский термин *scientia*. Однако Саид имел в виду нечто особое. Способность китайцев к трудоемким работам похвальна, но она является тем, в чем животные могут превосходить людей: способность пчел искусно строить ульи, пауков – плести паутину, например, превосходит все человеческие способности. Китайцы и турки развили, по сути, навыки животных, тогда как *ulu m* является человеческим свойством:

Конечно, существует разница между *ulu m* и *scientia*, с одной стороны, и современным понятием науки, которое, по сути, принадлежит XIX в. Первое не предполагает конфликта между наукой и классическим знанием, наукой и религией, наукой и метафизикой, и прочих противостояний, с которыми пришлось столкнуться Западу в Новое время. Все они, в общем, – часть одного понятия, по крайней мере, в средневековых построениях. Однако, существует контраст между возвышающими интеллектуальными занятиями, вносящими вклад в общее благо человечества, и просто навыками. Интересно, что китайская научная практика должна быть отнесена к этой последней категории. Культурные различия между Западом и мусульманским Востоком в Новое время не должны заслонять от нас тот факт, что исламская наука раннего средневековья представляет собой связь между античной и средневековой мыслью на Западе, а исламская наука в сфере прикладной математики и медицины является частью западной научной традиции настолько, насколько вообще есть связь между наукой античности и раннего Нового времени. Взгляд Саида на Китай по сути своей – «западный», и он существует до сих пор в виде широко распространенного мнения о том, что китайцы имели технологическую практику, а не научную.

Существует ли информативный способ представления различия? Китайская наука/технология так же вписана в метафизическую схему, как и *ulu m* и *scientia*, но эта схема сильно отличается от того, что мусульманские и христианские толкователи взяли из своего греко-римского наследия. Различие наука/технология зеркально отражает противопоставление *episte me/techne* – знание и умение, – известное со времен греческих философов классического периода, и как я предполагаю, может оказаться неподходящим для характеристики китайской мысли. Интересно, что по сути мы можем реконструировать возникновение этого противопоставления из предшествовавшего до-классического унитарного представления о познании, который больше подходит китайскому случаю.

Эта концепция выстраивалась вокруг идеи *me tis*, хитрости, изобретательности. Речь идет о следующем. Существует два пути восторжествовать над противником, будь то охота, рыбная ловля, обработка неподатливых материалов, таких, как металл, переправа через быструю реку. Либо побеждает более сильная воля, либо благодаря *me tis* естественный ход вещей изменяется через хитрость, маскировку, сообразительность и т.п.; в целом, благодаря какому-либо способу приспособиться к событиям, предполагающему понимание, позволяющее человеку перехитрить, но не объяснить. Возьмем строительство моста над быстрой рекой. Нужно приспособиться к тому, что постоянно меняется, перехитрив его, а не объяснив, а природа является постоянно меняющимся царством.

Именно *me tis*, и связанные с этим идеи формировали парадигму понимания природы вплоть до V в. до н.э. В V в. произошел радикальный сдвиг, и над *me tis* возобладал новый ряд концепций, выстроенный вокруг идеи *episte me* – науки или знания. Этот сдвиг от *me tis* к *episte me*, насколько мне известно, вообще не изучался, а было бы весьма полезно представлять себе его детали. Несмотря на это, две основные черты бросаются в глаза. Во-первых, сдвиг встретил сопротивление, представляется, что именно за это были вынуждены бороться философы ранне-классического периода, особенно Сократ и Платон. Ранние диалоги Платона, хотя в них и преобладали диспуты с софистами, могут быть прочитаны как попытки представить спор не как средство перехитрить противника, но как путь установления истины. Во-вторых, было бы ошибочным считать,

что речь шла о сдвиге от практического к теоретическому восприятию природы, хотя верно то, что *me tis* теснее связано с практическими манипуляциями, нежели *episte me*. Скорее, в результате сдвига целый ряд тем, которые ранее были центральными для познания, сошли со сцены. Это явствует из ранних диалогов Платона, где доминирует вопрос о том, является ли добродетель (*arete*) знанием (*episte me*), или умением (*techne*). Нужно отметить, что *techne* все еще имела познавательное измерение, ведь в «Горгии» (465A) Платон, отказываясь от обычного употребления, показывает, что *techne* – умение, предполагающее «рассказ» о вещи, а не просто практический навык, и различает между истинной *techne* – медициной, – и простым умением (*empeiria*), таким, как умение готовить. Это важно, так как *me tis* также никогда не был просто практическим навыком. Различие *episte me/techne*, как его употребляли Сократ и Платон, не предполагало различия когнитивных и не-когнитивных навыков, но между теми, чьи когнитивные свойства могут быть переданы в виде результатов, или через подражание, и тем, что требовали той или иной формы созерцательного понимания. Сократ считал, что добродетель относится к последней группе – т.е. *episte me*, – в самом деле, известно, что Сократ сделал добродетель формой интеллектуального понимания. В результате после того, как добродетель отнесли к *episte me*, *technai* по сути выпала из картины, и стремление к познанию приняло форму изучения *episte me*.

Чтобы подчеркнуть контраст между формами познания, связанными с *me tis* и *episte me*, необходимо просто отметить две основные классические формы последней, сформулированные соответственно Платоном и Аристотелем. В обоих случаях основная предпосылка состоит в том, что природа постоянно меняется, а основная цель – необходимость познать изменение. *Episte me* означает знание сущностей, а чтобы понять изменение, мы должны уловить то, что стоит за ним, или, если сформулировать вопрос в терминах метафизики, которые просто оказались бы неприменимыми к концепции *me tis*, мы должны уловить неизменяющую реальность, стоящую за изменением. Короче говоря, мы должны подчинить становление бытию. Платон делает это, подчиняя чувственный мир трансцендентному миру неизменных форм. Аристотель следует за Платоном в его стремлении подчинить становление или изменение бытию, но он достигает этого, соотнося изменение с естественно существующим царством неизменных сущностей.

Переход от архаической концепции к классическому понятию познания может быть описана в этих понятиях. В обоих случаях проблема состояла в том, чтобы принять постоянно изменяющуюся природу. Классическая концепция делает это, подчиняя изменение чему-то неизменному, и это подчинение проявляется в том, что меняющиеся проявления конструируются в понятиях неизменной реальности. Архаическую концепцию можно считать попыткой принять изменение через изобретательность. Изобретательность принимает разные формы – в противном случае она не была бы изобретательностью, – но состоит, скорее, в способности примениться к обстоятельствам. Как поймать животное, которое легко может тебя обогнать, как приручить стремительно текущую реку: только от обстоятельств зависит, нужно ли применять ловушки, маскировку, метательные снаряды, или что-то еще.

Я полагаю, что мы обнаруживаем сходное понятие изобретательности в китайской науке эпохи Сун и Мин, т.е., в эру, сопоставимую с поздним средневековьем и ранним Новым временем на Западе. Это хорошо сформулировал Франсуа Жюльен (*La propension des choses*). В периоды Сун и Мин мы обнаруживаем такие изобретения, как механические часы, печатный станок и сейсмографы, опередившие западную науку на пару столетий, а также важные достижения в наблюдениях за звездами и медицине, в применении различных устройств и изобретений, например, пороха и магнита. Всеми признано, что все эти достижения опирались на совсем иную базу, нежели Научная революция. Однако существуют разногласия относительно того, как нужно описывать этот контраст. Такие авторы, как Нидэм, бы-

ли склонны рассматривать китайскую науку данного периода как аналог западной, хотя и не получивший развития из-за препятствий, с которыми Запад не сталкивался. Другие же, например, Бенджамин Нелсон и Тоби Хафф, полагают, что Китай не имел научной практики как таковой, но лишь технологическую. Примечателен способ, при помощи которого Хафф формулирует различие науки /технологии. «Наука», говорит он, «в сердце своем есть систематическое и теоретическое знание о том, что есть мир, и как он работает. Это *episteme*, противопоставленная *techné*». Но идет ли здесь речь о противопоставлении *episteme/techné*? Не следует ли нам скорее сопоставить метафизическую концепцию научного знания, где доминирующим фактором является очищение реальности от кажущегося, с концепцией научного знания как действенного способа разрешения проблем, в котором ключевую роль играет изобретательность? В самом деле, похоже, что нет такой концепции научного знания, или идеи дисциплины или подхода, объединяющего различные виды деятельности, которая до того, как на Западе распространилось современное понятие науки, была бы единообразной. И если противопоставление, предложенное мной, верно, становится понятным, почему ни попытка Нидэма ассимилировать китайскую и западную науку, ни попытка Хаффа сбросить ее со счетов как технологию не затрагивают сути вопроса.

Таким образом, можно посчитать, что именно переход от идеи познания как решения проблемы к такой, в которой речь идет об обнаружении реальности под покровом кажущегося, и есть ключевая отличительная черта того, что можно назвать идеологией Научной революции. Именно этого не было в Китае. Но на деле я сомневаюсь, что эта черта была центральной для развития Научной революции, и не уверен, что это важно для самой науки, хотя она, могла, кстати, сыграть важную роль в ее консолидации на Западе в Новое время.

Чтобы понять почему, обратимся к прикладной математике. Она, как согласится любой, была центром Научной революции. Первое, что я хочу отметить, – прикладная математика, или ее физическое выражение, не только не работает в терминах разделения кажимости/реальности, но это деление ей совершенно чуждо. Вся естественная философия, кажется, начинается с учения о материи. В Китае, возможно, не использовалась идея подчинения изменения неизменному – то, что, как я показал, превратилось в различие между кажимостью и реальностью, – в отличие от Запада, но в обоих случаях понимание природных феноменов опиралось на понимание материи, стоящей за ними, шла ли речь об атомистической теории, фундаментальных принципах, управляющих материей и т.п.

В период между возрождением учености на Западе и XVII в. в естественной философии доминировало учение о материи, сначала в аристотелевой версии, когда свойства вещи объяснялись через стоящую за ними форму, а потом, начиная с итальянских натурфилософов XVI в., через идею о том, что поведение тел определяется их микроскопической структурой. К XVII в. учение о материи стало преимущественно корпускулярным, и говорило о том, как природа и устройство составных частей тела определяют его поведение. В начале столетия оно находилось на переднем плане естественной философии, и невзирая на свое нахождение в авангарде анти-аристотелизма, она разделяла с последним ряд предположений о цели ученых занятий. В частности, обе были верны метафизической идее открытия реальности за кажущимся. Учение о первичных и вторичных свойствах, развитое в XVII в., является поразительным тому свидетельством.

Но к третьему десятилетию XVII в. центр внимания естественной философии сместился к тому, что можно назвать прикладными математическими дисциплинами: астрономии, оптике, статике, кинематике. Традиционно считалось, что они имели мало общего с реальностью, но им все более придавалось физическая значимость: так гелиоцентрический тезис обрел физический смысл, геометрически определенное поведение лучей света должно было объясняться их физическим состоянием и т.п. Проблема состояла в том, что делалось для

установления физической значимости этих прикладных математических дисциплин. Многие в этих дисциплинах препятствовало использованию идеи нахождения реальности за кажущимся. Превращение коперниканства в физическую модель в трудах таких авторов, как Кеплер. Декарт или Ньютон, естественно ведет к представлению о том, как геостатические астрономические кажимости заменялись гелиостатической астрономической реальностью. Но обоснование широкого метафизического использования различия реальности и кажущегося труднее понять. Я полагаю, что его нельзя найти в математически сформулированной физической теории XVII в., или скорее, что это неверное описание, или специфический способ описания того, что имело место в данной области. Здесь значение XVII в. заключается в соединении математических техник с эмпирическими данными. Точнее, оно заключалось в успешном установлении связи между количественными описаниями физических систем, не имевших определенного инструментального смысла, и поэтому в определенном смысле недоступных, с физическими системами, которые имеют такой определенный инструментальный смысл, а поэтому описуемы через эксперименты. Хорошим примером служит демонстрация Галилеем того, что те переменные, которые действуют в любом мыслимом случае свободного падения – нечто, что требует анализа свободного падения в его теоретически разделенных компонентах, которые физически нераздельны, – только и действуют в случае свободного падения в вакууме. Галилей мог уточнить закон, что всегда будет присутствовать ускорение свободного падения, вне зависимости от действия других факторов, говоря о законе падения тел в вакууме, формулировка открывающая экспериментальный доступ к законам, если угодно. Неудивительно, что вопрос о продвижении через кажущееся к реальности здесь неприменим, потому что традиция практической математики, на которой, прежде всего, основывается кинематика, никогда предполагала использования различия между кажущимся и реальностью. Конечно, в кинематике существуют различия между реальным движением тел и кажущимся движением, но здесь нет смысла говорить об обнаружении реальности за кажущимся. Реальное движение не стоит за кажущимся: оно просто от него отличается.

Тем не менее, учение о материи для многих, от Бойля до Лейбница, как казалось, предоставляло ключ к физической значимости математических дисциплин. Каким-то образом результаты, достигнутые механикой, должны были быть представлены в понятиях учения о материи. Макроскопическое поведение тел как-то должно было быть переведено в определенное поведение составлявших их корпускулов. Что нам необходимо знать, так это как и почему научные изыскания, которые были начаты или продолжались в XVII в., стали конструироваться в понятиях поиска реальности за кажущимся, и как это построение помогало (если это так) углублять цели этих занятий. В этой связи мы должны задавать совсем другие вопросы, например, почему научная практика в Европе раннего Нового времени строилась вокруг идеи основополагающей реальности, и если это не является свойством научной практики как таковой, обуславливалось ли это культурным контекстом, в котором развивалась наука раннего Нового времени. Шла ли речь о том, что такая конструкция просто была самым эффективным и экономичным способом артикуляции результатов? Была ли она каким-то образом связана с борьбой относительно того, какие физические теории можно выдвинуть, опираясь на традиционные дисциплины прикладной математики, преобразованной такими авторами, как Галилей. Было ли дело в том, что наука раннего Нового времени возникла в противовес естественной философии, выраженной в понятиях метафизики кажимости и реальности, что вынуждало науку сражаться на данной территории?

(Перевод на рус. яз. В.В.Зверевой, А.Ю.Сергунин)

Поздравляем!

14 мая 2002 года защитил докторскую диссертацию
Маловичко Сергей Иванович
(Ставропольское Отделение)

на тему: "Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в."

Поздравляем!

Л.В. Наместникову
(Волгоградское Отделение)

с защитой кандидатской диссертации на тему «Проблема веры и знания в диалогической философии Франца Розенцвейга» (октябрь, 2001 г.). Специальность – 09.00.03 – история философии

Поздравляем!

А.А. Кусаинова
(Волгоградское Отделение)

с защитой кандидатской диссертации на тему «Новая философия» во Франции и культура постмодерна» (июнь, 2002 г.). Специальность – 09.00.03 – история философии

Желаем крепкого здоровья, творческих успехов, и новых побед!

ПУБЛИКАЦИИ ЧЛЕНОВ РОИИ за 2002 год

ВОЛГОГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Пигалев А.И.

А. Статьи: «Европейские революции и характер наций» (Книга О. Розенштока-Хюсси); Жирар, Рене; «Звезда искупления» (совместно с Л.В. Наместниковой) (книга Р. Жирара); «Козел отпущения» (книга Р. Жирара); «Насилие и сакральное» (книга Р. Жирара); «Негативная диалектика» (книга Т.В. Адорно); «О сокровенном от создания мира» (книга Р. Жирара); «Путь древних, по которому шли люди беззаконные» (книга Р. Жирара); Розеншток-Хюсси, Ойген Мориц Фридрих; Центризм; «Я и Ты» (с Д.В. Евдокимцевым) (книга М. Бубера).
Перечисленные статьи опубликованы в издании: История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.

Б. Статья: Мимесис и проблема Другого в современной философии культуры // Человек-культура-общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиозно-философских исследований. М., 2002.

В. Розеншток-Хюсси О. Великие революции: Автобиография западного человека М.: Изд-во Библейско-Богословского Института св. Апостола Андрея, 2002. (научный перевод части монографии в составе коллектива переводчиков).

Г. Der soziale Symbolismus in der Philosophie Martin Heideggers (am Beispiel der Kategorie des Seins) (Социальный символизм в философии Мартина Хайдеггера (на примере категории бытия)), на немецком языке // Журнал «Existential». Szeged, Budapest, Muenster, 2002. Vol. XII, fasc. 1–2.

Белянская Л.В. (Наместникова Л.В.)

Статьи:

1. Понятие «любви к ближнему» в философских текстах Германа Когена и Франца Розенцвейга // Материалы Девятой Ежегодной Международной конференции по иудаике. М., 2002.

2. Франц Розенцвейг и его философия образования // Еврейское образование. СПб., 2002. 1 (3).

3. Розенцвейг Ф. Время действовать // Еврейское образование. СПб., 2002. 1 (3) (научный перевод, примечания).

4. Розенцвейг Ф. Образование и «бесконечное составление книг» // Еврейское образование. СПб., 2002. 1 (3) (научный перевод, примечания).

5. Истина знания и истина веры в философии Франца Розенцвейга // Истина и благо: универсальное и сингулярное. Сб. научных статей. М., 2002.

Макаров А.И.

Статьи: «Кризис современного мира» (совместно с А.И. Пигалевым) (книга Р. Генона); «Миф о вечном возвращении» (совместно с А.И. Пигалевым) (книга

М.Элиаде); «Традиционализм» (совместно с А.И. Пигалевым). Перечисленные статьи опубликованы в издании: История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ВСТУПАЮЩИХ В РОИИ

Членство в РОИИ

Анкета

1. Ф.И.О.
2. Дата рождения
3. Адрес (рабочий, домашний), тел., факс, e-mail
4. Место работы
5. Должность
6. Научная степень (когда защищена, по какой специальности)
7. Ученое звание
8. Тема диссертационных исследований
9. Сфера научных интересов
10. Какие курсы Вы читаете и где?
11. Общее количество публикаций, выделите, пожалуйста, наиболее значимые среди них (до 10-ти)
12. В каких научно-исследовательских проектах, посвященных интеллектуальной истории, Вы принимали (принимаете или планируете принять) участие
13. Какой Вам представляется деятельность Российского Общества интеллектуальной истории (исходя из Ваших интересов)?

Просим Вас заполнить анкету и выслать ее в адрес Российского Общества интеллектуальной истории.

Банковские реквизиты:

ОАО Акционерный банк «Международный Банк Сотрудничества ОРГБАНК»
(ОАО АБ «МБС ОРГБАНК»).

ИНН 7728246549

К/с № 30101810800000000598

БИК 044579598

Р/с: 40703810808070000024

Адрес банка: 103718 г. Москва, Славянская пл., д. 2.

Получатель:

ПРООСНИПД «Общество интеллектуальной истории»

Членские взносы за 2003 год будут составлять:

- 150 рублей 00 коп. без подписки на альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем»
- 350 руб. 00 коп. с подпиской на альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем» (два выпуска в год).

Членские взносы следует перечислять на банковский счет Общества. Копию платежной квитанции просим Вас выслать в адрес Общества.

В подготовке издания участвовали:

Ответственный редактор: д.и.н. Л.П.Репина

Редакторы: к.и.н. М.С.Бобкова, Е.Г. Гапонова

Межрегиональная общественная организация содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности «Общество интеллектуальной истории»

117334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Институт всеобщей истории РАН,
Центр интеллектуальной истории
Электронный адрес: cih@iqh.ras.ru,
Тел. (095) 938-53-91
Факс ИВИ РАН: (095) 938–22-88